

ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) ПИ № ФС77-38319 от 10.12.2009 г. Издаётся с 2006 г., выходит ежемесячно.

№ 7

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Дугенец Александр Сергеевич,

Заслуженный юрист
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
Иванев Сергей Васильевич,
кандидат юридических наук

Ковалев Олег Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор

Колоколов Никита Александрович,
доктор юридических наук, профессор

Макаров Андрей Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Подшибякин Александр Сергеевич,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор

Трунцевский Юрий Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, доцент

Фоков Анатолий Павлович,
доктор юридических наук, профессор

Хабибуллин Алик Галимзянович,
доктор юридических наук, профессор

Главный редактор

Кочешев Сергей Петрович,
кандидат юридических наук

Ответственный редактор:

Пикалова А.И.

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»

Гриб В.В., доктор юридических наук,
профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Тел./факс: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный)

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская
наб., д. 26/55, стр. 7

Подписные индексы:

по каталогу «Роспечать» — 20887,

«Объединенный каталог» — 24273.

Также можно подписаться на сайте

www.gazety.ru; www.lawinfo.ru

Печ. л. — 4,0. Тираж 2000 экз.

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа»

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2

Тел. (4842) 70-03-37

Подписано в печать 03.06.2016

Выход в свет 30.06.2016

ISSN — 2070-2108. Цена свободная.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Холопова Е.Н., Сергеев Д.Ю. Привилегии и иммунитеты
сотрудников пограничных управлений ФСБ России,
дислоцирующихся за пределами Российской Федерации,
как условия их безопасности и защиты.....3

Вербицкая Т.В. К вопросу о признании беженцем лица,
пострадавшего от вооруженного конфликта6

Харабет К.В. Теоретические основы противодействия
наркотизму и наркопреступности среди военнослужащих..... 10

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Шенин В.М., Назарова И.С. Особенности банкротства
граждан Российской Федерации — бывших участников
накопительно-ипотечной системы жилищного обеспечения
военнослужащих: возникающие проблемы
и пути их разрешения..... 15

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Маслакова Е.А. Проблемы обеспечения информационной
безопасности как составной части национальной
безопасности Российской Федерации 20

ВОЕННАЯ ЮСТИЦИЯ

Волеводз А.Г. Имплементация норм об ответственности
за военные преступления в уголовное законодательство России:
потребности практики и пути реализации..... 23

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Туганов Ю.Н., Дедов Ю.Ф. Опыт подготовки
и переподготовки сотрудников спецслужб США
и Великобритании для военной организации государства 29

*Журнал включен в базу данных
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)*

**Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
для публикации основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук**

MILITARY JURIDICAL JOURNAL

№ 7

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor) PI № ФС77-38319 10.12.2009. Published since 2006, is published monthly.

Founder: Publishing Group «JURIST»

Editorial Board:

Dugenets Alexander Sergeevich,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
doctor of juridical sciences, professor

Ivaneev Sergey Vasil'evich,
candidate of legal sciences

Kovalev Oleg Gennad'evich,
doctor of juridical sciences, professor

Kolokolov Nikita Aleksandrovich,
doctor of juridical sciences, professor

Makarov Andrey Vladimirovich,
doctor of juridical sciences, professor

Podshibyakin Alexander Sergeevich,
Honored Scientist of the RF,
doctor of juridical sciences, professor

Truntsevskij Yurij Vladimirovich,
doctor of juridical sciences, professor

Tuganov Yurij Nikolaevich,
doctor of legal sciences, associate professor

Fokov Anatolij Pavlovich,
doctor of juridical sciences, professor

Khabibulin Alik Galimzyanovich,
doctor of juridical sciences, professor

Editor in Chief:

Kocheshev Sergey Petrovich,
candidate of juridical sciences

Responsible editor:
Pikalova A.I.

Editor in Chief
of Publishing Group «JURIST»:
Grib V.V.,
doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief
of Publishing Group «JURIST»:
Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:
Shvechkova O.A.,
candidate of juridical sciences

Tel./fax: (495) 953-91-08
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Editorial Subscription Centre:

(495) 617-18-88 (multichannel)
E-mail: podpiska@lawinfo.ru

Editorial / Publisher Office Address:
Bldg. 7, 26/55 Kosmodamianskaya Emb.
115035, Moscow

Subscription in Russia:
Rospechat' — 20887, Unified Catalogue — 24273.
www.gazety.ru; www.lawinfo.ru

Printer's sheet — 4,0. Circulation 2000 copies.

Printed by "National Polygraphic Group"
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031
Tel.: (4842) 70-03-37

Passed for printing 03.06.2016.
Edition was published 30.06.2016.

ISSN — 2070-2108. Free market price.

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF MILITARY SERVICE

Kholopova E.N., Sergeenko D.Yu. Privileges and Immunities for the Employees of Border Administrations of the Federal Security Service of Russia, Deployed beyond the Borders of the Russian Federation, as Conditions of their Safety and Protection 3

Verbitskaya T.V. Revisiting Recognition as Refugee of Person who Suffered from Armed Conflict 6

Kharabet K.V. Theoretical Bases of Counteraction to Drug Addiction and Drug Criminality among Military Servicemen 10

ISSUES OF SOCIAL SECURITY OF MILITARY SERVICEMEN

Shenshin V.M., Nazarova I.S. Features of Bankruptcy of Citizens of the Russian Federation — Former Participants of the Savings and Mortgage System of Housing Provision for Military Servicemen: Arising Problems and Ways of Their Solution 15

STATE SECURITY

Maslakova E.A. Problems of Ensuring Information Security as Constituent Element of National Security of the Russian Federation 20

MILITARY JUSTICE

Volevodz A.G. Implementation of Regulations on Responsibility for Military Crimes in Criminal Legislation of Russia: Practice Needs and Ways of Realization 23

INTERNATIONAL EXPERIENCE

Tuganov Yu.N., Dedov Yu.F. Experience of Training and Retraining of Intelligence Agencies Employees of the United States of America and Great Britain 29

*The journal is included
in the database
of the Russian Science Citation Index*

**Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
for publication of basic results of candidate and doctor of theses**

ПРИВИЛЕГИИ И ИММУНИТЕТЫ СОТРУДНИКОВ ПОГРАНИЧНЫХ УПРАВЛЕНИЙ ФСБ РОССИИ*, ДИСЛОЦИРУЮЩИХСЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КАК УСЛОВИЯ ИХ БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ

*Холопова Елена Николаевна,
профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики
Юридического института Балтийского федерального университета имени И. Канта,
доктор юридических наук
elchol@mail.ru*

*Сергеенко Денис Юрьевич,
соискатель Юридического института
Балтийского федерального университета имени И. Канта
denissergeienko@mail.ru*

В статье рассматриваются правовые категории привилегий и иммунитетов как условий безопасности и защиты сотрудников пограничных управлений ФСБ России, исполняющих служебные обязанности по охране государственной границы государства, делегировавшего Российской Федерации полномочия по охране своей государственной границы. По результатам анализа правовых норм сделан вывод о необходимости наделения их привилегиями и иммунитетами, предусмотренными Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года.

Ключевые слова: привилегии, иммунитеты, пограничные управления ФСБ России, иностранное государство, безопасность.

Privileges and Immunities for the Employees of Border Administrations of the Federal Security Service of Russia, Deployed beyond the Borders of the Russian Federation, as Conditions of their Safety and Protection

*Kholopova Elena N.,
Professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics
and Legal Informatics of the Law Institute of the Immanuel Kant Baltic Federal University,
Doctor of Law*

*Sergeenko Denis Yu.,
Candidate Degree Seeking Student of the Law Institute
of the Immanuel Kant Baltic Federal University*

An article examines the legal category of privileges and immunities as conditions their safety and protection of staff border departments of the FSB of Russia fulfilling duties on protection of the state border of the state, delegating the Russian Federation the authority to protect its state borders. According to the analysis of legal norms, the conclusion is made about necessity of granting them privileges and immunities provided in the Vienna convention on the diplomatic relations of 18 April 1961.

Key words: privileges, immunities, border Department of the FSB of Russia, a foreign state, security.

Вооруженная агрессия Грузии в отношении Республики Южная Осетия, произошедшая в августе 2008 года, постоянное силовое давление Грузии на руководство и население Абхазии и Южной Осетии, сопряженное с использованием средств и методов диверсионно-террористической деятельности, сопровождающееся человеческими жертвами, в том числе среди граждан Российской Федерации,

* На примере пограничных управлений ФСБ России, дислоцирующихся в Абхазии и Южной Осетии. — Прим. авторов.

инициировали принятие руководством Российской Федерации решения о признании независимости указанных республик¹ и об установлении с ними внешнеполитических отношений².

¹ Минаев Н.А. Политика Российской Федерации в отношении Абхазии и Южной Осетии в 2008–2011 гг.: дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012.

² О признании Республики Абхазия: Указ Президента Российской Федерации от 26 авг. 2008 г. № 1260 // Собр. законодатель-

В рамках реализации достигнутых договоренностей о мире, сотрудничестве и взаимной помощи³ 30 апреля 2009 года Российская Федерация с Республикой Абхазией и Республикой Южная Осетия заключила соглашения о совместных усилиях в охране государственных границ указанных республик (далее — Соглашения)⁴. В соответствии с Соглашениями стороны определили, что до формирования органов пограничной охраны Абхазии и Южной Осетии указанные республики в интересах обеспечения собственной безопасности и безопасности Российской Федерации делегировали Российской Федерации полномочия по охране своих государственных границ с Грузией, при этом указанные полномочия возложили на пограничные управления ФСБ России, которые после подписания Соглашений были образованы на территориях Абхазии и Южной Осетии⁵. Основным документом, регламентирующим правовое положение пограничных управлений ФСБ России, дислоцирующихся в республиках (далее — Пограничные управления), и их сотрудников, стали вышеуказанные Соглашения. Однако вопросы привилегий и иммунитетов сотрудников Пограничных управлений не нашли должного законодательного закрепления в них, что в указанной сфере отношений создает угрозу их безопасности в государстве их пребывания.

Результаты анализа научных источников свидетельствуют, что привилегии и иммунитеты, как элементы правового положения, чаще всего рассматриваются в рамках международного права при исследовании правового положения дипломатических представительств, консульских учреждений, а также международных организаций⁶. Воз-

можно, это связано с тем, что именно в отношении указанных лиц правовые категории «привилегии» и «иммунитеты» нашли свое должное законодательное закрепление⁷.

В научной литературе правовые привилегии определяются как юридическое преимущество, направленное на создание режима наибольшего благоприятствования, распространяющееся главным образом на властные органы и должностные лица, характеризующее специальный и индивидуальный статус субъектов, имеющее для них стимулирующее и компенсирующее значение⁸. Правовой иммунитет же определяется как особое материально-процессуальное преимущество, распространяющееся на строго указанных в нормах международного права, Конституции и федеральных законах субъектов, регламентирующее их специальный статус путем наделения дополнительными гарантиями при привлечении к юридической ответственности или выполнении определенных обязанностей⁹.

Проведенный анализ вышеуказанных источников, относительно привилегий и иммунитетов, позволяет сделать ряд выводов о некоторых общих признаках, характерных для привилегий и иммунитетов. К их числу относятся: во-первых, общая функциональная направленность категорий, выражающаяся в создании особого юридического режима, позволяющего облегчить положение соответствующих субъектов; во-вторых, общая цель — введение гарантий социально полезной деятельности, способствующих

международных организаций социалистических государств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. 185 с.; Каширкина А.А. Тенденции развития международной правосубъектности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 212 с.

ства Рос. Федерации. 2008. № 35. Ст. 4011; О признании Республики Южная Осетия: Указ Президента Рос. Федерации от 26 авг. 2008 г. № 1261 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 35. Ст. 4012.

³ Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия: закл. в г. Москве 17 сент. 2008 г. Ст. 7 // Бюллетень международных договоров. 2009. № 5.; Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия: закл. в г. Москве 17 сент. 2008 г. Ст. 7 // Бюллетень международных договоров. 2009. № 5.

⁴ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Абхазия: заключено в г. Москве 30 апр. 2009 г. // Бюллетень международных договоров. 2009. № 10; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Южная Осетия: закл. в г. Москве 30 апр. 2009 г. // Бюллетень международных договоров. 2009. № 10.

⁵ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Абхазия: закл. в г. Москве 30 апр. 2009 г. Ст. 3, 5; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Южная Осетия: закл. в г. Москве 30 апр. 2009 г. Ст. 3, 5.

⁶ Алексиева Б.Б. Тенденции развития института консульских привилегий и иммунитетов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 150 с.; Афанасьев В.В. Иммунитеты и привилегии

⁷ Венская конвенция о консульских сношениях: закл. в г. Вене 24 апр. 1963 г. // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991. С. 124–147; Консульский устав Российской Федерации: Федер. закон от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ. Ст. 9 // Собр. законодательства Рос. Федерации 2010. № 28. Ст. 3554; Венская конвенция о дипломатических сношениях: закл. в г. Вене 18 апр. 1961 г. // Ведомости ВС СССР. 1964. № 18. Ст. 221; Положение о Посольстве Российской Федерации: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 28 октября 1996 г. № 1497. Ст. 5 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 5090; Конвенция ООН о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций: заключена в г. Нью-Йорке 13 фев. 1946 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XV. М., 1957. С. 32–40; Генеральное соглашение о привилегиях и иммунитетах Совета Европы: закл. в г. Париже 2 сент. 1949 г. // Бюллетень международных договоров. 1997. № 5. С. 22.

⁸ Малько А.В. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения: монография / А.В. Малько, С.Ю. Суменков. Пенза: ПГУ, 2005. С. 16; Алексиева Б.Б. Указ. соч. С. 125; Иванова К.Л. Льготно-правовая политика в современной России: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 119; Яковенко Е.А. К вопросу о правовой природе иммунитетов. Соотношение категорий «иммунитет», «привилегия», «льгота» // Вестник ЧелГУ. 2010. № 33. С. 10–15; Репьев А.Г. Правовые категории «иммунитет», «привилегия», «льгота»: грани соприкосновения // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 2. С. 12–20.

⁹ Малько А.В. Указ. соч. С. 16; Алексиева Б.Б. Указ. соч. С. 118.

осуществлению тех или иных обязанностей; в-третьих, правостимулирующая функция всех категорий, побуждающая к определенному поведению и обозначающая положительную правовую мотивацию; в-четвертых, схожая правовая роль, поскольку все средства выступают своеобразными изъятиями, правомерными исключениями, установленными в специальных юридических нормах.

Таким образом, основное предназначение привилегий и иммунитетов — это обеспечение эффективного выполнения международных, государственных и общественных задач лицами, официально представляющими интересы Российской Федерации. Показательными в данном случае являются положения статьи 5 Протокола к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы¹⁰, которыми установлено, что «привилегии и иммунитеты предоставляются представителям Членов не в личных интересах соответствующих лиц, а для обеспечения выполнения ими обязанностей, связанных с Советом Европы».

Следует отметить, что в отличие от дипломатических представительств и консульских учреждений, осуществляющих представительские функции на территории государства их дислокации в сфере дипломатических и консульских отношений, пограничные управления ФСБ России образованы на территории иностранного государства в целях охраны их государственной границы военными средствами для обеспечения национальной безопасности и суверенитета как государства их дислокации, так и Российской Федерации¹¹. Поэтому привилегии и иммунитеты сотрудников пограничных управлений ФСБ России, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, должны быть в первую очередь направлены на обеспечение их безопасности и защиты в государстве их дислокации, в целях создания такого правового положения, при котором они смогут беспрепятственно исполнять свои должностные обязанности, оставаясь независимыми от действия права государства их пребывания. Как, например, в отношении военнослужащих объединенных российских военных баз, дислоцирующихся в Абхазии и Южной Осетии. В Соглашениях, регламентирующих их правовое положение¹², установлено, что военнослужащим военной

базы предоставляются привилегии и иммунитеты, предусмотренные в отношении административно-технического персонала дипломатического представительства в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 года. Указанные нормы впервые на законодательном уровне закрепили за военнослужащими военной базы, дислоцирующейся за пределами Российской Федерации, привилегии и иммунитеты административно-технического персонала дипломатических представительств, что, как нам представляется, является необходимым условием их безопасности и защиты на территории государства-дислокации.

В связи с этим представляется целесообразным аналогичное положение закрепить в Соглашениях, регламентирующих правовое положение Пограничных управлений, выделив привилегии и иммунитеты в отдельный раздел, по аналогии с Венской конвенцией о консульских сношениях от 24 апреля 1963 года, тем самым подчеркнув их особый статус, как официальных представителей Российской Федерации на территории иностранного государства в сфере охраны государственной границы государства, делегировавшего Российской Федерации полномочия по охране своей государственной границы.

Привилегии и иммунитеты сотрудников пограничных управлений должны быть направлены в первую очередь на обеспечение их безопасности и защиты в государстве их дислокации, поэтому основу этих иммунитетов и привилегий должны составлять личная неприкосновенность и освобождение из-под юрисдикции государства-дислокации при исполнении ими своих служебных обязанностей. Проблема неприкосновенности раскрыта в статье 29 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года и имеет два аспекта: во-первых, обязанность государства пребывания обеспечить повышенную охрану лиц, пользующихся ею, их защиту от посягательств на их личность, свободу и достоинство со стороны частных лиц и преступных организаций и, во-вторых, обязанность властей государства пребывания воздержаться от их ареста или задержания вообще, за исключением специально предусмотренных случаев. Иммунитет от юрисдикции государства пребывания раскрывается в статье 31 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года, предусматривая иммунитет от уголовной, гражданской и административной юрисдикции.

Таким образом, результаты анализа вышеуказанных правовых норм свидетельствуют, что личная неприкосновенность и иммунитет от юрисдикции государства пребывания военных организаций¹³, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации, как условия их безопасности и защиты, постепенно эволюционизировали в сторону приравнивания с личной неприкосновенностью и иммунитетом от юрисдикции государства пребывания административно-технического персонала дипломатических пред-

¹⁰ Протокол к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы ETS № 010: закл. в г. Страсбурге 6 нояб. 1952 г. // Бюллетень международных договоров. 1997. № 5. С. 33.

¹¹ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Абхазия: закл. в г. Москве 30 апр. 2009 г. Ст. 3; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия о совместных усилиях в охране государственной границы Республики Южная Осетия: закл. в г. Москве 30 апр. 2009 г. Ст. 3.

¹² Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Абхазия об объединенной российской военной базе на территории Республики Абхазия: закл. в г. Москве 17 февр. 2010 г. Ст. 12 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 11. Ст. 1277; Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия об объединенной российской военной базе на территории Республики Южная Осетия: закл. в г. Москве 7 апр. 2010 г. Ст. 12 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 11. Ст. 1276.

¹³ Военная организация — непосредственно выполняющая задачи военной безопасности, комплектуемая военнослужащими полностью или частично штатная организация ведомства, в котором предусмотрена военная служба. См.: Бараненков В.В. Проблемы гражданско-правового статуса воинских частей и иных военных организаций // Нотариус. М.: Юрист, 2003. № 1. С. 30–34.

ставительств. Такая тенденция наглядно прослеживается в Соглашениях, регламентирующих правовое положение объединенных российских военных баз, дислоцирующихся в Абхазии и Южной Осетии. Что еще раз подтверждает необходимость закрепления указанного положения в Соглашениях, регламентирующих правовое положение пограничных управлений ФСБ России, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации.

Литература

1. Алексеева Б.Б. Тенденции развития института консульских привилегий и иммунитетов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 150 с.
2. Афанасьев В.В. Иммунитеты и привилегии международных организаций социалистических государств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. 185 с.
3. Бараненков В.В. Проблемы гражданско-правового статуса воинских частей и иных военных организаций // Нотариус. М.: Юрист, 2003. № 1. С. 30–34.
4. Иванова К.А. Льготно-правовая политика в современной России: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 197 с.
5. Каширкина А.А. Тенденции развития международной правосубъектности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 212 с.
6. Малько А.В. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения: монография / А.В. Малько, С.Ю. Суменков. Пенза: ПГУ, 2005. 180 с.
7. Минаев Н.А. Политика Российской Федерации в отношении Абхазии и Южной Осетии в 2008–2011 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012. 150 с.
8. Репьев А.Г. Правовые категории «иммунитет», «привилегия», «льгота»: грани соприкосновения // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 2. С. 12–20.
9. Яковенко Е.А. К вопросу о правовой природе иммунитетов. Соотношение категорий «иммунитет», «привилегия», «льгота» // Вестник ЧелГУ. 2010. № 33. С. 10–15.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ БЕЖЕНЦЕМ ЛИЦА, ПОСТРАДАВШЕГО ОТ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

*Вербицкая Татьяна Владимировна,
аспирант кафедры конституционного права
Уральского государственного юридического университета
Aquitania-17@ya.ru*

Данная статья посвящена анализу правового положения беженца в условиях вооруженного конфликта, в соответствии с нормами международного гуманитарного права. Основная сложность в обеспечении признания и защиты беженцев в условиях вооруженных конфликтов заключается в отсутствии единообразия в понимании и определении терроризма, экстремизма, сепаратизма. Вооруженный конфликт возникает в случае, если для пресечения подобного рода деяний используются вооруженные силы, в соответствии с нормами международного гуманитарного права. Приводятся определения терроризма, экстремизма, сепаратизма из нормативных актов зарубежных стран и источников международного права.

Ключевые слова: беженец, терроризм, экстремизм, сепаратизм, вооруженные силы, международный правопорядок.

Revisiting Recognition as Refugee of Person who Suffered from Armed Conflict

*Verbitskaya Tatiana V.,
Postgraduate Student of the Constitutional Law Department
of the Ural State Law University*

This article is devoted to the analysis of legal status of refugee in conditions of military conflict, in accordance with norms of international humanitarian law. The main complexity in recognition and defense of refugees in conditions of military conflict consist in absence of unique notion of terrorism, extremism, separatism. Military conflict appears in case, when military forces are used for suppression of such kind of acts in accordance with norms

of international humanitarian law. The author points definitions of terrorism, extremism, separatism from legal acts of foreign countries and sources of international law.

Key words: *refugee, terrorism, extremism, separatism, armed forces, international law and order.*

Прежде всего необходимо отметить, что признаки правового статуса беженца содержатся в статье 1 Конвенции о статусе беженцев¹. Первый признак, необходимый для признания лица беженцем, — наличие у него обоснованных опасений стать жертвой преследований по дискриминирующему основанию² (сущностный критерий). Лицо находится вне страны своего гражданства, обычного местожительства (для лиц без гражданства), не может или не желает пользоваться защитой такой страны вследствие наличия на ее территории первого признака — второй признак (территориальный критерий). Иными словами, для того чтобы лицо приобрело статус беженца, необходимо возникновение фактического состава, в рамках которого одновременно соблюдаются и сущностный, и территориальный критерии.

После принятия в 1951 году Конвенции о статусе беженцев определение беженца было расширено³.

В международном праве вооруженных конфликтов, в Женевских конвенциях 1949 года и Дополнительных протоколах к ним 1977 года⁴ отсутствует определение термина «беженец» и сам термин используется крайне редко. В силу того что Конвенция о статусе беженцев 1951 года была принята после вступления в силу Женевских конвенций 1949 года, последние не могут содержать бланкетную отсылку к определению беженца, содержащегося в Конвенции о статусе беженцев. Женевские конвенции 1949 года основываются на определении беженца, содержащегося в статье 1 Устава Международной организации по делам беженцев⁵.

Устав Международной организации по делам беженцев и Конвенция о статусе беженцев содержат аналогичные сущностный⁶ и территориальный критерии в рамках фактического состава, необходимого для признания беженцем. Далее, по Уставу Международной организации по делам беженцев сохраняют статус беженца лица, которые были признаны беженцами до вступления в силу Устава Международной организации по делам беженцев⁷, за исключением военных преступников. Приобретают статус беженца по Уставу Международной организации по делам беженцев жертвы государственных режимов, принимавших участие во Второй мировой войне против Объединенных Наций (жертвы международного вооруженного конфликта).

Исходя из того что Конвенция о статусе беженцев указала на сохранение статуса беженца лицами, которые приобрели такой статус на основании соглашений от 12 мая 1926 года и 30 июня 1928 года, конвенций от 28 октября 1933 года и 10 февраля 1938 года, Протокола от 14 сентября 1939 года, Устава Международной организации по делам беженцев (подпункт 1 пункта «А» статьи 1 Конвенции о статусе беженцев), правовое положение беженца в рамках международного гуманитарного права (в условиях вооруженного конфликта) является специальной разновидностью статуса беженца по Конвенции о статусе беженцев.

В рамках международного гуманитарного права беженец — лицо, которое спасается бегством от последствий боевых действий и оказалось на территории государства противника; «иностранец на территории находящейся в конфликте стороны» (статьи 35–46 IV Женевской конвенции). Иными словами, фактический состав, необходимый для признания беженца по международному гуманитарному праву, содержит специальный сущностный и территориальный критерии.

Специальный статус беженца в условиях вооруженного конфликта состоит в требовании гуманного обращения, в том числе соблюдения принципа «непередачи», — лицо не может быть депортировано, а также подвергаться аресту, преследованию, осуждению (статьи 44, 45, 70 IV Женевской конвенции, статья 73 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям).

Устав Международной организации по делам беженцев указывает, что сохраняют гуманитарный статус лица, которые рассматривались как беженцы до начала Второй мировой войны по причинам расового, религиозного или национального характера или вследствие их политических убеждений.

На основании соглашений от 12 мая 1926 года и 30 июня 1928 года, конвенций от 28 октября 1933 года и 10 февраля 1938 года, Протокола от 14 сентября 1939 года, в которых также был отражен территориальный критерий. Беженцами признавались жертвы вооруженных конфликтов. См.: Лавуае Ж.-Ф. Беженцы и перемещенные лица: международное гуманитарное право и роль МККК // Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве: сборник статей и документов. М.: МККК, 1999. С. 201.

¹ Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml.

² На основании статьи 2 Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.

³ На основании статьи 1 Протокола о статусе беженцев от 31 января 1967 года; Конвенции Организации африканского единства от 10 сентября 1969 года, посвященной проблемам беженцев в Африке, на основании которой статус беженца приобретали лица, покинувшие родные места вследствие вооруженного конфликта (как международного, так и немеждународного) или беспорядков. См.: Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2000. С. 90.

⁴ Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним 1977 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm>.

⁵ Устав Международной организации по делам беженцев, вступивший в силу 20 августа 1948 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/asylum/Run2.1.1.html>.

Также следует отметить, что приобретают статус беженца в рамках международного гуманитарного права не только лица, находящиеся на территории государств в состоянии международного вооруженного конфликта, но и в государстве — жертве внутреннего вооруженного конфликта. В этом случае они пользуются защитой Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям⁸.

Далее, в настоящее время угрозы терроризма, экстремизма, сепаратизма носят столь интенсивный характер, что борьба с ними возможна только с помощью вооруженных сил для поддержания международного мира и безопасности⁹. Применение вооруженных сил государства для борьбы с противником означает возникновение вооруженного конфликта (по статье 2, общей для всех Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1977 года) и применение норм международного гуманитарного права. Поэтому в случае применения вооруженных сил государства для борьбы с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом лица могут приобрести статус беженца в соответствии со статьями 35–46 IV Женевской конвенции, статьей 1 Конвенции о статусе беженцев.

Однако следует отметить концептуальные сложности, которые возникают у государств при определении понятий «терроризм», «экстремизм», «сепаратизм» (для решения вопроса о возможности использования вооруженных сил для борьбы с указанными видами угроз).

Прежде всего отсутствует единообразие в понимании терроризма, экстремизма, сепаратизма, а также условий применения вооруженных сил для пресечения подобных деяний.

Совет Безопасности ООН в Резолюции 1566 (2004) указал на характеристики деяний, которые могут рассматриваться в качестве терроризма:

- акты с целью причинения вреда жизни, здоровью лиц, имуществу, захват заложников;
- акты, которые направлены на запугивание общества с целью побудить правительство принять то или иное решение и которые не могут быть оправданы политическими, идеологическими, философскими мотивами (соответственно, в арабских странах борьба народов за самоопределение является оправдывающим мотивом);
- акты являются преступлениями, запрещенными в соответствии с международными конвенциями или протоколами к ним¹⁰.

Характеристика данного термина содержится в Конвенции организации «Исламская конференция» о борьбе с международным терроризмом (Уагадугу, 1 июля 1999 года)¹¹.

Определение терроризма дается в Акте о терроризме Великобритании 2000 года: в соответствии со статьей 1 данного акта, терроризм — это действие, которое совершается с целью воздействия на правительство или общество

или определенную общественную группу, или указанное действие совершается по политическим или религиозным мотивам, которое сопровождается причинением тяжких телесных повреждений лицу, крупного материального ущерба, ставит под угрозу жизнь человека, создает риск для жизни или здоровья общества или определенной общественной группы либо происходит в киберпространстве¹².

В ряде стран учитывается лишь политическая составляющая терроризма: для того чтобы акт был признан террористическим, правонарушение должно быть направлено против такого объекта, как общественные отношения по охране конституционного строя (внешней составляющей суверенитета), в том числе посредством посягательства на должностное лицо, наделенное публичной функцией (в соответствии с уголовным законодательством Вьетнама, Бразилии, КНДР, Черногории)¹³.

Наиболее емкие определения экстремизма, сепаратизма содержатся в статье 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом от 15 июня 2001 года¹⁴.

Сепаратизм — подготовка, подстрекательство или совершение любого деяния, направленного на разрушение территориальной целостности государства.

Экстремизм — подготовка, подстрекательство или совершение любого деяния, направленного на насильственные захват или удержание власти, изменение конституционного строя государства, посягательство на общественную безопасность.

По Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом от 15 июня 2001 года терроризм отличается от экстремизма и сепаратизма по формальному критерию. В Приложении к Шанхайской конвенции перечислены международные нормативные акты, направленные на борьбу против терроризма. Установлены и содержательные отличия: терроризм направлен на то, чтобы заставить действовать определенным образом государство или международную организацию; объектом посягательства могут быть физические лица или материальные объекты (статья 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом).

Шанхайская конвенция содержит отсылку к внутригосударственному законодательству участников конвенции, касающемуся как установления норм уголовного права, необходимых для привлечения к ответственности за совершение терроризма, экстремизма, сепаратизма, так и акта об общественной безопасности. На основании данной конвенции в Российской Федерации была принята Концепция общественной безопасности России¹⁵.

Не достигнуто единообразие и по поводу условий применения вооруженных сил государства для пресечения терроризма, экстремизма, сепаратизма.

⁸ См.: Лавуайе Ж.-Ф. Беженцы и перемещенные лица: международное гуманитарное право и роль МККК // Там же. С. 202.

⁹ Gareth E. Cooperating for Peace: The Global Agenda for the 1990s and Beyond, St. Leonards, 199329, 2012. P. 42.

¹⁰ Там же. С. 78.

¹¹ Там же. С. 90.

¹² Terrorism Act of Great Britain of 2000 [Electronic resource]. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/11/pdfs/ukpga_20000011_en.pdf.

¹³ Gareth E. Op. cit. P. 100.

¹⁴ СЗ РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

¹⁵ Концепция общественной безопасности РФ от 20.11.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653>.

Во Франции военнослужащие имеют право применять оружие только в случае совершения акта терроризма, экстремизма, сепаратизма (статьи L 2341-1 и L 2341-4 Кодекса обороны Франции)¹⁶.

Аналогичные нормы содержатся также в законодательстве Федеративной Республики Германия, Индии, Италии, Испании, Дании, Норвегии, Финляндии¹⁷.

В Великобритании Вооруженные силы Ее Величества, привлечение которых осуществляется по решению Государственного секретаря, вправе принимать все меры, необходимые для поддержания порядка, в том числе применение силы, для предупреждения и пресечения терроризма, экстремизма, сепаратизма при взаимодействии с полицией (статьи 96–98 Акта о терроризме)¹⁸. На основании опыта Великобритании подобное регулирование данного института осуществляется и в иных странах англосаксонской системы права — Соединенных Штатах Америки, Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Однако следует отметить, что реализация права народа на самоопределение (борьба с колониализмом) не рассматривается как акт терроризма, экстремизма, сепаратизма в соответствии со статьей 1 Закона Королевства Бахрейн — Декрета № 4/2001¹⁹. Соответственно, военнослужащие при совершении подобных преступлений вправе применить оружие.

Иными словами, если деяние подпадает под хотя бы один из указанных признаков, для борьбы с ним могут быть применены вооруженные силы — в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1189 (1998 г.), в которой подтверждено право на самооборону США посредством применения силы (ракетного удара на территории Судана и Афганистана), резолюциями № 1368 (2001 г.) и 1378 (2001 г.), в которых подтверждается право на использование вооруженной силы против угрозы терроризма²⁰.

В соответствии с позицией Совета Безопасности ООН, в разделе III Стратегии национальной безопасности США указано, что США осуществляют право на самооборону, в том числе путем борьбы против терроризма, экстремизма, сепаратизма²¹.

Аналогичные меры могут быть приняты и для борьбы с пиратством (в качестве разновидности терроризма на море). Такая позиция отражена в Стратегии безопасности Соединенных Штатов Америки в разделе «Безопасность посредством силы». Необходимо отметить, что пиратство — это морской разбой, незаконный захват, ограбление и потопление торговых и других судов, совершаемые в открытом море частновладельческими или государственными судами. К пиратству приравнивается нападение во

время войны надводных кораблей, подводных лодок, военных самолетов на торговые суда нейтральных государств (на основании Женевской конвенции об открытом море 1958 года). Нормы, посвященные борьбе против воздушного пиратства (захвата и угона самолетов) содержатся в Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (Гаага, 1970 год)²².

Ситуация осложняется еще и тем, что, как указывает Мартин ван Кревельд, нередко государства именуют вооруженный конфликт борьбой с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом для того, чтобы не применять нормы международного гуманитарного права²³.

Таким образом, в силу того что терроризм, экстремизм, сепаратизм являются очень интенсивной, основной угрозой безопасности как отдельного государства, так и мира в целом, для пресечения подобного рода деяний предусмотрена возможность применения вооруженных сил, как в соответствии с нормами международного права, так и в рамках правовой системы государств. Указанное применение вооруженной силы квалифицируется как вооруженный конфликт и влечет за собой применение норм международного гуманитарного права, в том числе в отношении приобретения статуса беженца, предполагающего особый режим защиты. Статус беженца согласно Конвенции о статусе беженцев распространяется на правовое положение беженца в международном гуманитарном праве (в условиях вооруженного конфликта).

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.
2. Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним 1977 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-1.htm>.
3. Устав Международной организации по делам беженцев, вступивший в силу 20 августа 1948 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www1.umn.edu/humanrts/russian/asylum/Run2.1.1.html>.
4. Концепция общественной безопасности РФ от 20.11.2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653>.
5. Ван Кревельд М. Трансформация войны / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 326 с.
6. Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2000. 720 с.
7. Лавуайе Ж.-Ф. Беженцы и перемещенные лица: международное гуманитарное право и роль МККК // Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве: сборник статей и документов. М.: МККК, 1999. 345 с.
8. Alexis R. Constitutional Rights, Balancing and Rationality // Ratio Juris. Vol. 16. 2013. 473 с.
9. French Code of defense [Electronic resource]. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr>.
- 22 Alexis R. Constitutional Rights, Balancing, and Rationality // Ratio Juris. Vol. 16. 2013. No. 2. P. 131–140, 135.
- 23 Ван Кревельд М. Трансформация войны / пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 47.

¹⁶ French Code of defense [Electronic resource]. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr>.

¹⁷ Norton P. Management of the negative aspects of a democratic regime. National Parliaments of EU Member States and of the European Union, RTDE, 2012. P. 177.

¹⁸ Terrorism Act of Great Britain of 2000 [Electronic resource]. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/11/pdfs/ukpga_20000011_en.pdf.

¹⁹ Norton P. Op. cit. P. 200.

²⁰ Там же. С. 250.

²¹ The National Security Strategy of the USA. September 2002 [Electronic resource]. URL: www.white-house.gov/nsc/nss.pdf.

10. Gareth E. Cooperating for Peace: The Global Agenda for the 1990s and Beyond, St. Leonards, 199329, 2012. 406 с.
11. Norton P. Management of the negative aspects of a democratic regime. National Parliaments of EU Member States and of the European Union, RTDE. 2012. 568 с.
12. Terrorism Act of Great Britain of 2000 [Electronic resource]. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/11/pdfs/ukpga_20000011_en.pdf.
13. The National Security Strategy of the USA. September 2002 [Electronic resource]. URL: www.white-house.gov/nsc/nss.pdf.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОТИЗМУ И НАРКОПРЕСТУПНОСТИ СРЕДИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

*Харабет Константин Васильевич,
профессор Военного университета Минобороны Российской Федерации,
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра
Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков,
кандидат юридических наук
harabet@mail.ru*

Статья посвящена теоретическим основам противодействия наркопреступности среди военнослужащих.

Ключевые слова: наркопреступность, военнослужащие.

Theoretical Bases of Counteraction to Drug Addiction and Drug Criminality among Military Servicemen

*Kharabet V. Kharabet,
Professor of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
Leading Research Scientist of the Scientific Research Center
of the Federal Drug Control Service of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences*

The article is devoted to theoretical bases of counteraction of drug crimes among military personnel.

Key words: drug crime, military.

1. Если основываться на общих положениях современной антинаркотической политики в Российской Федерации, основные задачи деятельности по противодействию наркотизму и наркопреступности в условиях Вооруженных Сил РФ могут быть представлены в следующем виде:

- развитие мотивации на формирование у военнослужащего здорового образа жизни;
- развитие мотиваций на осознанное соблюдение требований законов и уставов;
- формирование мотивов и потребностей в традициях высокой нравственности и духовности;
- формирование знаний и навыков в области личной и коллективной нетерпимости и активного противодействия употреблению и распространению наркотиков и иных ПАВ;
- отказ от правонарушающего поведения;

- поощрение стремления к прекращению ПАВ и минимизация вреда от такого употребления;
- пресечение антинаркотической пропаганды и снижение влияния наркотической субкультуры;
- выявление и пресечение каналов доставки наркотиков к военнослужащим;
- своевременное выявление групп риска, а также потребителей наркотиков в военной среде;
- нейтрализация причин и условий, способствующих совершению наркопреступлений.

При реализации мер по противодействию «армейскому» наркотизму целесообразно основываться на следующих основополагающих принципах воздействия на преступность, разработанных ведущими отечественными криминологами (А.И. Долговой, В.Н. Кудрявцевым, Н.А. Лопашенко, В.В. Луневым, С.В. Бородиным, С.М. Иншаковым и др.) и «адаптированных» автором

применительно к задачам обеспечения наркобезопасности¹.

1. Научная и информационная достаточность обеспечения позитивного воздействия на наркотизм. Воздействию должны предшествовать изучение этого явления, его причин, а также поиск способов эффективного влияния на порождающие наркотизм факторы.

2. Материальная достаточность. Лишь при условии научно обоснованного требуемого финансирования государственных программ в области борьбы с наркотизмом возможно достижение ожидаемого результата.

3. Приоритетность области борьбы с социальными отклонениями — «фоновыми» явлениями преступности в контексте раннего предупреждения и пресечения наркотизма.

4. Совместность участия всех граждан и профессионалов в борьбе с наркотизмом и связанными с ним правонарушениями.

5. Гласность в конструировании мер воздействия на наркотизм, их финансировании и кадровом обеспечении.

6. Ответственность за состояние борьбы с наркотизмом участвующих субъектов противодействия.

7. Постепенность воздействия на наркотизм: последовательное снижение темпов роста наркотизма, его стабилизация, улучшение структуры, снижение уровня и масштабов.

8. Системность, заключающаяся в том, что успеха в борьбе с наркотизмом не удастся достичь без формирования комплекса мер воздействия на это негативное социальное явление.

Критический анализ, проведенный автором применительно к реализуемой в Российской Федерации государственной антинаркотической политике², ее успехов и проблем, а также современного состояния работы по предупреждению преступлений и правонарушений в войсках убеждает в необходимости дальнейшего совершенствования и предметной реализации следующих основных принципов наркополитики³:

— комплексность применения социальных, духовно-ориентированных, медицинских и иных мер, направленных на предупреждение спроса и предложения наркотиков и иных ПАВ.

— формирование здорового образа жизни военнослужащих, проведение комплексной антинаркотической, антиалкогольной и антитабачной профилактики, начиная с допризывного этапа.

— эффективная общая социальная, административно-правовая и уголовно-правовая политика;

— дифференцированное использование мер уголовных, дисциплинарных и административно-правовых репрессий в отношении лиц, вовлеченных в наркотизацию.

II. Представляется, что «тип реакции общества», т.е. стратегия и тактика противодействия наркотизму и связанным с ним правонарушениям, во многом зависит от того, по каким причинам была нарушена социальная (правовая) норма. Если социальная норма нарушена по *социально-правовым* причинам, то реакция должна быть в своей основе *социально-правовой*; нарушения *духовно-правового* порядка влекут в немалой степени *соответствующую* реакцию; нарушение *биологической* (физиологической нормы) влечет преимущественно *медицинскую* форму воздействия.

Применительно к предмету нашего исследования данный анализ имеет важное прикладное значение при определении и разработке характера мер воздействия в отношении наркоправонарушителей военнослужащих, которые в зависимости от разных ситуаций: (I) нарушают социальные нормы, не будучи потребителями психоактивных веществ (далее — ПАВ) либо «экспериментаторами» и не имея каких-либо психических аномалий; либо (II) совершают преступления и деликты, будучи вовлеченными в немедицинское потребление ПАВ, но не являясь наркозависимыми; либо (III) совершают правонарушения, злоупотребляя ПАВ.

По мнению автора, в первой и второй ситуациях необходима комбинированная «социальная», включая духовную и «медико-биологическую», реакция общества (в разном сочетании): у субъекта сохраняется возможность контроля за собственным поведением и душевным состоянием, на него возможно эффективное воздействие правовых, воспитательных, духовных и иных мер и санкций; параллельное медицинское воздействие поможет нейтрализовать влияние ПАВ на организм во второй ситуации и др. В третьем варианте (при угрозе утраты контроля субъекта за своим поведением) правовые, морально-нравственные меры «уступают место» медицинским мерам воздействия и последующей медико-социальной реабилитации. Следует учитывать, что диалектика соотношения социального и биологического в генезисе и механизме поведения личности варьируется в широком диапазоне. Именно с таких методологических позиций, как представляется, необходимо разрабатывать теоретические основы антинаркотического законодательства.

В целом, противодействие наркотизму (в т.ч. применительно к военнослужащим) необходимо рассматривать как взаимодействие трех блоков общественных отношений, во многом аналогичное воздействию на преступность.

Первый блок охватывает общесоциальные меры по воспитанию и духовно-нравственному оздоровлению личности, оказанию моральной и материальной помощи. **Второй блок** составляют отношения, в которых реализуются

¹ Разработка теоретической модели противодействия наркотизму и наркопреступности военнослужащих основывается на разработанной и апробированной в военной криминологии концепции системного воздействия на преступность, сформулированной в докторской диссертации С.М. Иншакова (1998 г.). Создание теоретической модели борьбы с (нарко)преступностью в нашей стране восходит к работам профессора С.В. Бородина начала 70-х годов XX века.

² Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г.: Указ Президента РФ от 09.06.2010 г. № 690 (в ред. от 28.09.2011 г.) [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».

³ См. подробнее: Харабет К.В. Социально-правовые и криминологические основы предупреждения наркотизма и наркопреступности военнослужащих: история и современность. СПб.: Наука, 2013. С. 271–300.

права, свободы, интересы и обязанности через органы социально-правовой охраны военнослужащих. **Третий блок** включает отношения, возникающие в процессе ресоциализации конкретной личности и устранения криминогенного влияния среды органами специально-криминологического предупреждения (собственно профилактическая деятельность). Эти направления не только активно воздействуют, но и создают основу друг для друга. Их единство составляет совокупность объективных условий и субъективных факторов, обеспечивающих оптимальное предупреждающее воздействие. Они нераздельны и не могут функционировать в отрыве друг от друга, тем более компенсироваться за счет друг друга в процессе профилактической работы. В основу данного вывода положены суждения о различии характера основных целей каждого из блоков и о целостности процесса формирования личности.

Социальное воспитание и социально-правовая охрана являются стратегической линией, направленной на формирование законопослушной личности. Признание их первичности по сравнению с социальной профилактикой имеет методологическое значение. Во-первых, такой подход закрепляет авторитет воспитательных и правозащитных мер над принудительными и репрессивными. Во-вторых, позволяет обеспечить своевременность профилактических мер и разграничить содержание деятельности конкретных субъектов. В-третьих, дает возможность правильно ориентироваться в тех специфических формах и методах, которые используют соответствующие органы в своем воздействии на негативные явления и их конкретных носителей. В-четвертых, подобная дифференциация позволяет обеспечить всесторонность и комплексность подхода к возникающим задачам в рассматриваемых сферах.

Достижение целей предупреждения наркотизма военнослужащих зависит от совокупности составляющих: от объективных *социально-экономических* возможностей общества и его военной организации; эффективности реализации социализирующей и правоохранительной функций; уровня организации профилактической работы в войсках; степени взаимодействия самовоспитания и ресоциализирующих воздействий. Определение такого взаимодействия невозможно без концептуального и методического обеспечения.

Рассмотренные выше положения позволяют определить, что предупреждение наркотизма военнослужащих — это специальная, основанная на принципе взаимосвязи и взаимодействия социального воспитания, социальной профилактики и социально-правовой охраны военнослужащих деятельность органов военной юстиции, военного командования, иных государственных органов и общественных организаций по устранению, нейтрализации, ограничению действия причин и условий наркотизма, а также по ресоциализации личности, допустившей антиобщественное поведение. Такой подход позволяет рассматривать изучаемый процесс в единстве «дополнительных характеристик» — не только с позиций применяемых санкций, но и с позиций социальной помощи и защиты военнослужащих; при таком подходе в центре внимания оказывается личность военнослужащего (гуманистический подход).

В современных (не простых с позиции макроэкономики) условиях важнейшей задачей становится поиск факторов, в т.ч. неэкономических, которые способны повлиять на стабилизацию обстановки и остановить распространение наркотизации в масштабах Вооруженных сил. Многие из них находятся в духовной сфере общества. Выход из создавшегося положения видится прежде всего в реализации государственной программы допризывной подготовки молодежи. Проверенные еще в период Вооруженных Сил Советского Союза методы работы с допризывниками требуют дальнейшего развития в соответствии с новыми социально-экономическими условиями. Стержнем такой программы может стать концепция нравственно-патриотического здоровья нации и подготовки подрастающего поколения к защите Отечества. Российские Вооруженные силы нуждаются в создании ценностной системы воспитания, которая отвечала бы нынешнему этапу строительства армии и флота.

Важнейшими задачами становятся также разработка и реализация целостной концепции социальной работы в армии и на флоте, адекватной уровню научного познания современных проблем общества и Вооруженных Сил Российской Федерации, выработка практических мер по разрешению наиболее животрепещущих из них, к числу которых относится проблема ухудшения наркоситуации в армии и на флоте. В настоящее время социальная политика по отношению к Вооруженным силам не имеет целостности, системности и адресности. Следует отметить и то, что в Вооруженных силах отсутствуют традиции и эффективная система социальной работы в обычном ее понимании, под которой подразумевается профессиональная деятельность по определению личностных, социальных и общих ситуативных трудностей людей, квалифицированная помощь по их смягчению и преодолению. Поэтому профессиональная подготовка специалистов (например, на базе Военного университета Минобороны), занимающихся социальной работой, отвечающая остроте таких социальных проблем, как наркотизм, пьянство и алкоголизм, преступность, выступает в качестве одного из приоритетных направлений модернизации всей социальной работы в армии и на флоте.

Таким образом, существование проблемы наркотизма и злоупотребления алкоголем в российских Вооруженных силах свидетельствует о необходимости проведения комплексных мероприятий в целях оздоровления сложившейся ситуации. В этих целях необходима разработка и реализация государственной программы по профилактике и преодолению злоупотребления наркотиками и иными ПАВ, включая алкоголь в Вооруженных силах, других войсках и воинских формированиях страны. На это ориентирует и зарубежный опыт борьбы с данными явлениями в армейской среде. Такая программа должна включать не только медико-биологические, лечебно-профилактические и реабилитационные мероприятия, но и воспитательные, психологические, социально-экономические и другие. Программа должна предусматривать дифференцированный подход к профилактике употребления наркотиков для разных категорий военнослужащих: личного состава из числа призывников, сержантского и рядового

составов контрактной службы, прапорщиков (мичманов), офицеров, военнослужащих-женщин, курсантов (слушателей) военных учебных заведений. Отдельно необходимо выделить социальную и психологическую работу в семьях военнослужащих и с участниками боевых действий.

Во исполнение решений Координационного совещания руководителей правоохранительных органов в Вооруженных силах при Главном военном прокуроре автором в конце 2015 года инициативно была подготовлена и направлена в адрес Главной военной прокуратуры подпрограмма «Противодействие злоупотреблению наркотиками и психотропными веществами и их незаконному обороту в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации на 2016–2020 гг.» в качестве раздела (составляющей) государственной программы «Противодействие незаконному обороту наркотиков» (далее — Программа).

Концептуальными положениями Программы являются:

- установление «нулевой» терпимости к наркотизму и наркотизации в условиях Вооруженных сил;
- установление системы антинаркотических «барьеров» на допризывном этапе и этапе поступления (призыва) на военную службу;
- выявление «групп риска» из числа лиц, призванных (поступивших) на военную службу, проведение с ними адресной предупредительной работы;
- введение в штат воинских частей (подразделений) от батальона и выше должности «помощник командира по антинаркотической и антиалкогольной профилактике»;
- реализация комплекса мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни по каждой из категорий военнослужащих (антиалкогольные, антинаркотические, антитабачные мероприятия), особое внимание должно быть уделено курсантам (слушателям) военных вузов;
- организация межведомственного взаимодействия органов военного командования, военной юстиции и ГАК, ФСКН, МВД, ФСБ, Минздрава и других ведомств по вопросам антинаркотической деятельности;
- реализация эффективной дисциплинарной и уголовно-правовой антинаркотической практики в целях обеспечения задач общей и частной превенции;
- организация мониторинга наркоситуации среди военнослужащих, на его основе — прогнозирование и корректировка профилактической деятельности, в т.ч. системы выявления, учета и, при необходимости, лечения и реабилитации военнослужащих, допускающих немедицинское потребление наркотиков и иных ПАВ.

Реализация Программы основана на принципе консолидированных усилий заинтересованных государственных (правоохранительных) органов общественных формирований и граждан. Она предполагает, с одной стороны, развитие на ее базе подпрограмм в рамках отдельных министерств (ведомств), где предусмотрена военная служба; с другой стороны, трехуровневую систему: Вооруженные силы (министерство): военный округ — бригада — воинская часть (батальон, рота).

1. К основным организационно-правовым мероприятиям отнесено проведение в Вооруженных силах, других

воинских формированиях комплексного мониторинга состояния наркотизма и наркопреступности и уровня их латентности; их количественно-качественных показателей; материальных потерь от распространения наркомании в войсках, включая потери в случае ошибочного призыва потребителя наркотиков на военную службу, травматизм и другие негативные факторы экономического порядка, наступающие в результате потребления наркотических средств); медицины (затраты на лечение наркоманов, реабилитационные меры, содержание обслуживающего персонала и т.д.); правопорядка и осуществления правосудия (затраты на процессуальную деятельность правоохранительных органов и т.д.). С учетом результатов комплексного исследования уровня наркотизации военнослужащих необходимо разработать методику замера ее количественных и качественных характеристик, а также структуры и динамики преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков; на базе Военно-медицинской академии (Санкт-Петербург) предлагается создать межведомственный центр по повышению квалификации медицинских специалистов по проблемам противодействия незаконному распространению наркотиков, а также профилактике и лечению наркомании. На базе Социологического центра Вооруженных Сил России целесообразно организовать межведомственную лабораторию (отдел) по изучению проблем противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту в Вооруженных силах, других воинских формированиях РФ.

Предлагается разработка законопроектов «О безопасности военной службы», «О внесении изменений в ФЗ 1995 г. «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекцией)» в части установления недобровольного исследования на СПИД и введения упрощенной системы тестирования некоторых категорий граждан, в том числе призывников и военнослужащих, замеченных, в частности, в «шприцевой» наркомании; «О внесении изменений в ст. 30 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» 1998 г.» в части введения положения о привлечении к освидетельствованию призывников врачей-наркологов; проекта межведомственного нормативного акта «Инструкция о порядке освидетельствования военнослужащих, подозреваемых в немедицинском потреблении наркотиков» и некоторых других; развертывание военной полиции с широкими полномочиями в области пресечения преступности в сфере НОН.

2. К основным задачам профилактики злоупотребления наркотиками и иными ПАВ отнесены совершенствование методологии и методики проведения антинаркотической работы среди военнослужащих, с учетом особенностей воинских контингентов, проходящих службу по призыву и контракту, офицеров, а также специфики военной службы в конкретном министерстве. Предусматривается создание в составе медицинской службы Минобороны, других воинских формированиях наркологической службы, а в составе военно-лечебных заведений — наркологических отделений и разработка соответствующей правовой базы. Также необходимы скорейшие изменения ведомственных актов, регулирующих деятельность офицеров

служб воспитательной работы с учетом конкретизации их роли в антинаркотических мероприятиях в воинских подразделениях; повсеместное внедрение в образовательные программы высших военно-учебных заведений дополнительных курсов по проблемам злоупотребления наркотиками, их незаконного оборота, профилактики наркомании, ведения здорового образа жизни; разработка на основе зарубежного и отечественного опыта методических рекомендаций о профилактике немедицинского употребления наркотиков военнослужащими, находящимися в условиях ведения боевых действий, и мерах по преодолению ими боевой психологической травмы.

3. К направлению «лечение и реабилитация наркозависимых военнослужащих» отнесены: разработка программы лечения, реабилитации и ресоциализации военнослужащих, больных наркоманией; внедрение в практику войск методов психологической защиты военнослужащих, препятствующих употреблению наркотиков в экстремальных условиях; использование в военной медицине психоактивных препаратов, отличающихся меньшим наркотическим воздействием при высоком болеутоляющем эффекте; разработка программы профилактики СПИДа у военнослужащих, состоящих в «группах риска» (асоциальное поведение, эпизодическое употребление наркотиков и т.п.).

4. К вопросам обеспечения контроля за производством и распространением наркотических препаратов отнесены пересмотр действующих правил, регламентирующих производство, хранение, законное использование, учет и списание наркотических лекарственных средств в системе военно-лечебных заведений Минобороны и других воинских формирований, а также проведение комплексного обследования аптек, складов, других мест производства, хранения и реализации лекарственных препаратов, содержащих наркотические средства, и пересмотр по его результатам перечня объектов, получающих специальные лицензии.

5. К главным задачам по пресечению незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ относится разработка комплекса мер по перекрытию каналов незаконной транспортировки и транзита наркотиков межрегиональными преступными группами с использованием средств военно-транспортной авиации, кораблей и плавсредств ВМФ по основным направлениям их перемещения по территории России; создание на основе компьютерной техники единой межведомственной автоматизированной базы данных о военнослужащих, участвующих в немедицинском потреблении и незаконном обороте наркотиков, а также данных, отражающих состояние борьбы с их распространением, с интеграцией ее в федеральную систему. Актуальными являются разработка и внедрение в практику правоохранительных органов, действующих в Вооруженных силах, а также экспертных подразделений, биохимических диагностических тестов, медико-технических средств и других современных методов выявления лиц, употребляющих наркотические средства. В целях выявления и перекрытия источников и каналов поступления в воинские подразделения наркотических средств целесообразно совместно с территориальными правоохранительными органами ежегодно проводить межведомственную комплексную операцию «Антидопинг-АнтиСПИД».

В целях уничтожения и пресечения поступления в воинские подразделения наркотических средств растительного происхождения рекомендуется ежегодно проводить комплексные межведомственные профилактические операции типа «Мак» («Конопля»).

6. В части осуществления международного сотрудничества по вопросам борьбы с НОН предлагается проводить на постоянной основе мониторинг законодательства и практики борьбы с незаконным оборотом наркотиков и наркоманией в армиях иностранных государств. Насущной необходимостью является установление и поддержание на постоянной основе контактов с правоохранительными органами и специальными службами, действующими в вооруженных силах зарубежных стран, прежде всего ОДКБ, ШОС, СНГ, по вопросам организации противодействия незаконному обороту наркотиков, совершенствовать ее военную составляющую.

Контроль исполнения Программы предлагается возложить на Координационное совещание при Главном военном прокуроре, внеся в законодательство, регулирующее его деятельность, соответствующие изменения в части включения в состав Государственного антинаркотического комитета (и антинаркотических комиссий в субъектах федерации) представителей органов прокуратуры (военной прокуратуры), Главного военного следственного управления Следственного комитета РФ, Минобороны.

Перспективными направлениями представляются: создание центра по изучению преступности и правонарушений военнослужащих при Главной военной прокуратуре — в целях координации междисциплинарных научно-практических исследований, в т.ч. в целях проведения мониторинга состояния преступности, наркоситуации, научно-методического обеспечения деятельности координационных совещаний при заместителе Генерального прокурора — Главном военном прокуроре; а также разработка и внедрение в учебные программы образовательных учреждений, реализующих программы дополнительного образования, спецкурсов по современным методам раннего предупреждения преступлений и иных правонарушений, ориентированных на сотрудников органов прокуратуры и других правоохранительных ведомств; создание в структуре центрального аппарата и окружного звена Главной военной прокуратуры, Главного военного следственного управления, Главного управления воспитательной работы и Главного военно-медицинского управления Минобороны на постоянной основе подразделений по изучению причин и условий преступности, наркотизма, пьянства и алкоголизма и других «фоновых явлений» преступности военнослужащих (с учетом специфики задач и функций каждого из ведомств).

Вспомогая мудрое изречение одного из основоположников мировой криминологии Ф. Листа о том, что «лучшая уголовная политика — это политика социальная», при разработке теоретических основ противодействия наркотизму и наркопреступности военнослужащих полагаем необходимым предусмотреть комплекс запретительных, репрессивных, мероприятий в отношении НОН, наркобизнеса и пр. и при этом способствовать (конечно, влияние и возможности правовых средств ограничены! — К.Х.) фор-

мированию в государстве и его военной организации надлежащих условий и возможностей для реализации гражданами, прежде всего молодого возраста, законопослушного поведения, во всем его многообразии, устранению излишних правовых запретов, искусственно формирующих делинквентность и «стигматизацию»⁴.

⁴ Автор представляет себе такое *сближение и гармонизацию* различных подходов (концепций, программ) по противодействию (нейтрализации, борьбе) с преступностью, иными видами деструктивного поведения как практическое воплощение в социальной сфере потенциала принципа дополнительности. Также можно указать на **необходимость, полезность и продуктивность** для криминологической науки и практики борьбы с преступностью методологического сближения позиций (условно говоря) представителей «школы проф. В.В. Лунеева» и «школы проф. Я.И. Гилинского», крупнейших отечественных криминологов, представляющих соответственно традиционный (запретительный) и либеральный подходы во взаимоотношении общества и преступности. См. об этом подробнее: Гилинский Я.И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире»: сборник статей. СПб., 2013; Он же. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «аномалий»: монография. 3-е изд. СПб.,

Литература

1. Указ Президента РФ от 09.06.2010 г. № 690 (в ред. от 28.09.2011 г.) «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс».
2. Гилинский Я.И. Девиантность, преступность и социальный контроль в «новом мире»: сборник статей. СПб., 2013.
3. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «аномалий»: монография. 3-е изд. СПб., 2013.
4. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: В 2-х т. М., 2011.
5. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005.
6. Харабет К.В. Социально-правовые и криминологические основы предупреждения наркотизма и наркопреступности военнослужащих: история и современность. СПб.: Наука, 2013. С. 271–300.

2013; Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: В 2-х т. М., 2011; Он же. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005.

ОСОБЕННОСТИ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – БЫВШИХ УЧАСТНИКОВ НАКОПИТЕЛЬНО-ИПОТЕЧНОЙ СИСТЕМЫ ЖИЛИЩНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ*

*Шенин Виктор Михайлович,
преподаватель кафедры конституционного
и административного права факультета (командного)
Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России,
кандидат юридических наук
vitya-shen@mail.ru*

*Назарова Ирина Сергеевна,
заместитель начальника кафедры конституционного
и административного права факультета (командного)
Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России,
кандидат юридических наук
irina-nazarova@inbox.ru*

Возмездность, как признак целевого жилищного займа, предполагает возврат денежных средств в случае увольнения участника накопительно-ипотечной системы не по основанию, установленному п. 1–2 ст.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 34. Ст. 3532. Далее по тексту — Федеральный закон № 117-ФЗ.

10 Федерального закона № 117-ФЗ. Таким гражданам необходимо возвратить выплаченные уполномоченным федеральным органом суммы в погашение целевого жилищного займа, уплатить проценты по этому займу ежемесячными платежами в срок, не превышающий десяти лет, а также вернуть кредит кредитной организации в размере непогашенной задолженности. В случае просрочки уплаты гражданином названных сумм вступят в действие положения главы X Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Ключевые слова: банкротство граждан, лица, уволенные с военной службы, накопительно-ипотечная система, последствия признания гражданина банкротом.

Features of Bankruptcy of Citizens of the Russian Federation – Former Participants of the Savings and Mortgage System of Housing Provision for Military Servicemen: Arising Problems and Ways of Their Solution

*Shenshin Viktor M.,
Lecturer of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty
(Command) of the Saint Petersburg Military Institute
of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

*Nazarova Irina S.,
Deputy Head of the Department of Constitutional and Administrative Law
of the Faculty (Command) of the Saint Petersburg Military Institute
of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Candidate of Legal Sciences*

Compensatory nature, as an attribute of special-purpose housing loan, provides for return of funds in case of dismissal of participant of savings and mortgage system** not on the basis established by paragraphs 1-2 of Article 10 of the Federal Law No. 117-ФЗ. Such citizens should return amounts paid by authorized federal body to repay the special-purpose housing loan, pay interest on this loan by monthly installments within the term not exceeding ten years, and repay the credit to credit organization in the amount of outstanding indebtedness. In case of delay in payment by a citizen of the said amounts, the provisions of chapter X of the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” shall come into force***.*

Key words: bankruptcy of citizens; persons dismissed from military service; savings and mortgage system; consequences of recognizing bankruptcy of a citizen.

Долгосрочный характер прохождения военной службы и предусмотренные в бюджете целевые ассигнования для накопления средств на именных накопительных счетах военнослужащих с последующим приобретением ими жилья являются основами реализации программы военной ипотеки. Вследствие необходимости безусловной реализации права на жилищные участники накопительно-ипотечной системы (далее по тексту — НИС) проводится работа по индексации размера накопительного взноса на одного участника НИС, исходя из складывающейся конъюнктуры на рынке недвижимости и экономических возможностей государства (см. таблицу).

Как видим, практически ежегодно, за исключением 2016 года, наблюдается рост размера накопительного взноса на одного участника НИС.

Участником НИС является военнослужащий — гражданин России, проходящий военную службу по контракту, включенный в реестр участников, которые свое право на

Таблица

Размер ежегодного накопительного взноса (2005–2016 годы)

Год	Размер взноса, тыс. руб.	Прирост, в проц. (%)
2005	37,0	-
2006	40,6	9,72
2007	82,8	103,94
2008	89,9	8,57
2009	168,0	86,87
2010	175,6	4,52
2011	189,8	8,09
2012	205,02	8,01
2013	220,40	7,51
2014	233,1	6,9
2015	245,88	5,5****
2016	245,88	-

**** Действие ч. 2 ст. 5 в части индексации фактически начисленного и перенесенного накопительного взноса предыдущего года с учетом уровня инфляции, предусмотренного прогнозом социально-экономического развития России на очередной год, приостановлено до 1 января 2017 г. Федеральным законом от 06.04.2015 г. № 68-ФЗ. Согласно ст. 4.1 указанного федерального закона в 2016 г. размер накопительного взноса на одного участника НИС жилищного обеспечения военнослужащих не увеличивается (не индексируется). О порядке индексации с 1 февраля 2017 г. см. ст. 4.2 Федерального закона от 06.04.2015 г. № 68-ФЗ.

* Hereinafter — SPHL.

** Hereinafter — SMS.

*** Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” dated October 26, 2002 No. 127-ФЗ: // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. Article 4190. Hereinafter — Bankruptcy Law

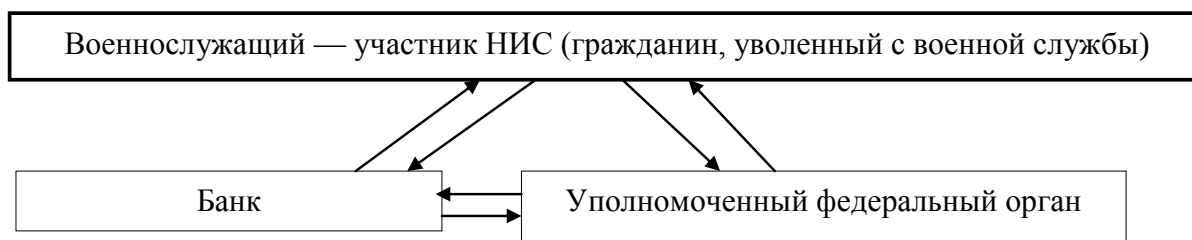

Рисунок. Структура взаимоотношений между участником НИС (гражданином), банком и уполномоченным федеральным органом

жилье реализуют различными способами, одним из которых является получение целевого жилищного займа (далее по тексту — ЦЖЗ)¹.

А.В. Кудашкин пишет, что каждый участник НИС имеет право на заключение договора ЦЖЗ при соблюдении следующих условий: право возникает по истечении трех лет после включения военнослужащего в реестр участников НИС; договор заключается с уполномоченным федеральным органом; договор займа имеет целевое назначение².

Статьей 11 Федерального закона № 117-ФЗ предусмотрены обязанности участника НИС, в соответствии с которыми он должен возвратить предоставленный ЦЖЗ в случаях и в порядке, определенных Федеральным законом № 117-ФЗ; уведомить уполномоченный федеральный орган о своем решении в отношении средств, накопленных на его именном накопительном счете, при увольнении с военной службы.

В соответствии с п. 63 Постановления Правительства РФ от 15 мая 2008 года № 370, после получения от федеральных органов исполнительной власти сведений об исключении участника из реестра участников уполномоченный орган прекращает погашение обязательств по ипотечному кредиту.

В соответствии с общим правилом, установленным ч. 3 ст. 14 Федерального закона № 117-ФЗ, договор ЦЖЗ безвозмездный, но есть и исключения из данного правила. Так, согласно ч. 2 ст. 15 указанного закона при досрочном увольнении участника НИС с военной службы, если у него не возникли основания, предусмотренные п. 1–2 ст. 10 указанного закона, начиная со дня увольнения по ЦЖЗ начисляются проценты по ставке, установленной договором о предоставлении ЦЖЗ. Эти положения не позволяют говорить о необходимости возврата участником НИС кредитной организации кредита в размере непогашенной задолженности. Нам представляется целесообразным заострить на этом внимание постольку, поскольку необходимо определить субъект, который будет обладать правом подачи заявления о банкротстве гражданина в арбитраж-

ный суд. Кто им будет являться: конкурсный кредитор или уполномоченный орган?

Авторская позиция выражается в том, что залогодержателем квартиры, приобретенной гражданином, будет являться банк или иная кредитная организация. Именно им будет принадлежать право в случае просрочки уплаты кредита подать заявление о банкротстве гражданина в арбитражный суд. Сказанное подтверждается следующими доводами.

Так, в соответствии с п. 2.1 ст. 20 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» государственная регистрация ипотеки в силу закона в отношении жилых помещений, приобретаемых с использованием накоплений для жилищного обеспечения военнослужащих в соответствии с Федеральным законом № 117-ФЗ, осуществляется с оформлением в качестве залогодержателя федерального органа исполнительной власти, обеспечивающего функционирование НИС.

Вместе с тем, как следует из п. 3 Правил оформления ипотеки в отношении участников НИС, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 29 января 2007 г. № 51, залогодержателями либо предшествующими залогодержателями жилых помещений могут являться также банки или иные кредитные организации либо юридические лица, предоставившие ипотечный кредит (заем) на приобретение или строительство жилого помещения.

Судебная практика по рассматриваемому вопросу говорит о том, что квартира считается находящейся в залоге (ипотеке) у кредитора и у Российской Федерации в лице учреждения с даты государственной регистрации права собственности заемщика на квартиру. При этом требования Российской Федерации удовлетворяются после удовлетворения требований кредитора³.

Предположим, что у такого гражданина при определенных обстоятельствах может возникнуть задолженность в сумме более пятисот тысяч рублей и просрочка в выплате более трех месяцев. Как быть в данном случае?

1 октября 2015 года вступили в силу новые положения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве)⁴, предусматрива-

¹ Статья написана с использованием справочно-правовых систем «Гарант» и «КонсультантПлюс».

² Кудашкин А.В. Как должна действовать накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих (целевой жилищный заем) [Электронный ресурс]. URL: <http://voenprav.ru/doc-2753-1.htm> (дата обращения: 10.03.2016).

³ Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 7 апреля 2015 г. по делу № 33-1855/2015.

⁴ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

ющие возможность банкротства граждан. Необходимостью принятия закона явилась постоянно растущая просроченная задолженность граждан по кредитам. Так, Банк России сообщает, что задолженность на 1 января 2015 года составила 667,5 млрд руб. На 1 января 2014 года она была в полтора раза меньше — 440,3 млрд руб.⁵

Рассмотрим некоторые особенности банкротства граждан, относящихся к категории бывших участников НИС.

Принятые поправки в Закон о банкротстве конкретизировали условия, при одновременном наличии которых гражданин вправе подать заявление о признании его банкротом:

- имеют место обстоятельства, очевидно свидетельствующие о том, что гражданин не в состоянии исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок;

- гражданин отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества.

В соответствии с п. 3 ст. 213.4 Закона о банкротстве гражданину необходимо приложить к заявлению о признании его банкротом перечень документов, подтверждающих обоснованность заявленного требования.

Пунктом 1 ст. 213.4 Закона о банкротстве помимо права на подачу заявления о признании себя банкротом закреплена и обязанность гражданина обратиться в суд с таким заявлением, если, рассчитавшись с одним или несколькими кредиторами, он не сможет погасить требования остальных кредиторов и если в совокупности размер его долга составляет не менее чем 500 тыс. руб. За несоблюдение этой обязанности КоАП РФ (ч. 5 ст. 14.13) предусмотрен административный штраф в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей⁶.

В делах о банкротстве граждан Федеральная налоговая служба Российской Федерации является уполномоченным органом, представляющим интересы Российской Федерации как кредитора⁷. При этом сформирован перечень типовых ситуаций, при которых налоговый орган инициирует процедуру банкротства гражданина-должника.

Дела о банкротстве физических лиц рассматривают арбитражные суды. Указанная категория дел имеет особенности, связанные в первую очередь со спецификой субъекта — гражданина, не занимающегося предпринимательской деятельностью⁸.

Дела о банкротстве граждан рассматриваются по месту их жительства, которое может быть подтверждено выданными ФМС России документами о регистрации. В соответствии с п. 5 Постановления, если место жительства должника неизвестно или он находится за границей, дело о банкротстве этого гражданина рассматривается арбитражным судом по последнему известному месту его жительства.

Статьей 213.2 Закона о банкротстве предусмотрено, что в делах о банкротстве граждан применяются три процедуры: заключение мирового соглашения, реструктуризация долгов и реализация имущества должника. При реализации имущества необходимо говорить только об удовлетворении требований кредиторов, цель реструктуризации — восстановить платежеспособность должника, в результате чего он сможет погасить задолженность перед кредиторами. В случае заключения мирового соглашения действие плана реструктуризации, а также запрета на удовлетворение требований кредиторов прекращается. Гражданин приступает к погашению задолженности перед кредиторами на условиях, установленных в соглашении. Если он их нарушит, то производство по делу о банкротстве может быть возобновлено и суд в этом случае введет реализацию имущества.

Как положительный факт в принятии Закона о банкротстве необходимо отметить предоставление гражданину, при реструктуризации долга, срока до трех лет, в течение которых приостанавливается начисление пеней и штрафов. При реструктуризации кредиторы смогут видеть, что гражданин проходил через процедуру банкротства, и будут понимать, кому стоит давать кредит, а кому нет. Однако даже если гражданин не справится с планом реструктуризации и будет признан банкротом с последующей реализацией имущества, он все равно получает возможность полностью расплатиться с долгами и начать все с чистого листа.

Рассмотрение дела о банкротстве не является бесплатным, в данном случае должники несут определенные расходы, к которым относятся:

- госпошлина за подачу заявления должника в арбитражный суд — 6 тыс. руб.;

- оплата публикаций в официальном издании (газета «Коммерсантъ»)⁹ и на сайте Единого федерального реестра сведений о банкротстве (ЕФРСБ) (в газете «Коммер-

⁵ [Электронный ресурс]. URL: http://leninogorsky.tat.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=128.

⁶ ФНС России в своем информационном письме от 12 января 2016 г. «О расширении полномочий ФНС России в сфере банкротства» указала, что за неподанное заявление о банкротстве налоговые органы теперь могут оштрафовать. Это предусмотрено Федеральным законом от 29.12.2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым внесены соответствующие поправки в КоАП РФ. Если физическое лицо, при наличии оснований, не подало заявление о банкротстве, налоговые органы вправе самостоятельно привлечь нарушителя к ответственности в виде штрафа.

⁷ Так, территориальные налоговые органы Москвы и Санкт-Петербурга, Амурской, Волгоградской, Ленинградской, Московской, Ростовской, Рязанской, Тамбовской областей, Республик Карелия и Тыва, Алтайского, Пермского, Ставропольского, Хабаровского и Краснодарского краев уже направляли в арбитражный суд заявления о признании гражданина-должника банкротом.

⁸ Постановление Пленума ВС РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Рос. газ. 2015. 19 окт. Далее — Постановление.

⁹ По данным газеты «Коммерсантъ», в настоящее время цена за опубликование сведений в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, составляет 177,29 руб. (с учетом НДС) за кв. см.

санта» — 7 тыс. руб., в ЕРФСБ — 1,8 тыс. руб.); почтовые расходы — 1,1 тыс. руб.;

— вознаграждение финансового управляющего — от 10 тыс. руб.;

— расходы по реализации имущества;

— почтовые расходы;

— вознаграждение юристам (если должник примет решение подключить специалистов для минимизации своих рисков) — от 10 тыс. руб.

Рассмотрим последствия признания гражданина банкротом. Так, пунктом 5 ст. 213.11 Закона о банкротстве предусмотрены ограничения по свободному заключению некоторых сделок — по приобретению или отчуждению имущества, передаче его в залог, получению и выдаче займов (кредитов), выдаче поручительств и гарантий, уступке прав требования и др. В случае признания гражданина банкротом он лишается возможности самостоятельно осуществлять права в отношении своего имущества, составляющего конкурсную массу (п. 2 ст. 213.24 Закона о банкротстве).

Пунктом 3 ст. 213.24 Закона о банкротстве суд по своему усмотрению может предоставить право выезда за границу.

На основании п. 5–6, 9 ст. 213.25 Закона о банкротстве гражданин-банкрот обязан передать финансовому управляющему все имеющиеся у него банковские карты.

В соответствии с п. 1 ст. 213.30 Закона о банкротстве в течение пяти лет после завершения процедуры реализации имущества гражданин не вправе скрывать данный факт при обращении за получением кредита или займа. Это же правило действует, если до реализации имущества дело не дошло и банкротство завершилось исполнением плана реструктуризации долга. В этом случае о факте реструктуризации придется уведомлять и при покупке товаров, работ и услуг с рассрочкой или отсрочкой платежа (п. 3 ст. 213.19 Закона о банкротстве).

Пунктом 3 ст. 213.30 Закона о банкротстве предусмотрено, что в течение трех лет с даты завершения процедур банкротства гражданин не вправе занимать должности в органах управления юридического лица и иным образом участвовать в управлении юридическим лицом.

Для минимизации преднамеренного банкротства со стороны граждан законодательно предусмотрены следующие механизмы:

1. Все сделки гражданина-банкрота, заключенные им в течение трех лет до даты принятия заявления о признании банкротом, могут быть оспорены как финансовым управляющим, так и кредиторами. Срок исковой давности для оспаривания сделок в данном случае исчисляется с момента, когда финансовый управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для признания сделки недействительной.

2. В течение пяти лет с момента завершения в отношении гражданина процедуры реализации имущества или прекращения производства по делу о банкротстве в ходе такой процедуры дело о его банкротстве не может быть возбуждено по заявлению этого гражданина. Если же в течение указанного периода гражданин будет повторно признан банкротом по заявлению кре-

дитора, правило об освобождении от дальнейшего исполнения требований кредиторов к нему применяться уже не будет.

Кредиторам процедура банкротства может быть выгодна только в том случае, если у должника имеется какое-то имущество или им совершались сделки по распоряжению этим имуществом, которые могут быть оспорены. Иначе кредитор получает лишь признание его задолженности безнадежной ко взысканию. Должник же в свою очередь полностью освобождается практически ото всех долговых обязательств. Причем это не всегда означает потерю им своего имущества, поскольку далеко не все имущество включается в конкурсную массу. Так, в соответствии со ст. 446 ГПК РФ, определен перечень имущества, на которое запрещено обращать взыскание.

Резюмируя изложенное, отметим:

1. Хотя на сегодня и отсутствует «шквал» поданных в арбитражные суды дел о банкротстве граждан, непременно складывающаяся социально-экономическая ситуация в стране подтолкнет многих, при наличии указанных выше оснований, к реализации ими процедуры банкротства.

2. Логично было бы, сделав упор на условиях развития экономики в настоящее время, увеличить срок просрочки платежей, предложив вместо существующих на сегодня трех месяцев ограничиться шестью. Задолженность в свою очередь в сумме более пятидесяти тысяч рублей необходимо увеличить до семисот пятидесяти тысяч рублей. Тем самым государство «спасет» многих от необдуманных поступков и обеспечит уплату должниками кредитов. Так, может быть, стоит подождать, и в последующем получать суммы денежных средств, приходящихся на задолженность, нежели чем совсем лишиться возможности получения определенных выплат!

3. Военнослужащему, реализовавшему свое право на получение ЦЖЗ, целесообразно дослужить до 20 лет общей выслуги либо уволиться по льготным основаниям, указанным в Федеральном законе № 117-ФЗ.

Литература

1. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 117-ФЗ «О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 34. Ст. 3532.
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
3. Постановление Пленума ВС РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // Рос. газ. 2015. 19 окт.
4. Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 7 апреля 2015 г. по делу № 33-1855/2015.
5. Кудашкин А.В. Как должна действовать накопительно-ипотечная система жилищного обеспечения военнослужащих (целевой жилищный заем) [Электронный ресурс]. URL: <http://voenprav.ru/doc-2753-1.htm> (дата обращения: 10.03.2016).
6. [Электронный ресурс]. URL: http://leninogorsky.tat.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=128.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Маслакова Елена Александровна,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева,
кандидат юридических наук, доцент
goldenciti@bk.ru*

В статье анализируются проблемы, возникающие в сфере обеспечения информационной безопасности личности, общества, государства на международном и внутригосударственном уровнях, рассматриваются вопросы международного сотрудничества в данной сфере.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационные технологии, киберугрозы, кибертерроризм, международное сотрудничество.

Problems of Ensuring Information Security as Constituent Element of National Security of the Russian Federation

*Maslakova Elena A.,
Assistant Professor of the Department of Criminal Law and Procedure
of the I.S. Turgenev Orel State University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article analyzes the problems arising in the sphere of information security of the individual, society and state in the international and domestic level, the issues of international cooperation in this sphere.

Key words: information security, information technology, cyber-threats, cyber-terrorism, international cooperation.

Информационно-технологическая революция, исходящая в современном обществе, повлекла за собой серьезные социальные изменения, привела к возникновению ранее неизвестных явлений и процессов, важнейшими из которых стали: создание глобального информационного пространства, появление нового вида общественных ресурсов и общественных отношений — информационных. Но, кроме прогрессивных возможностей для человечества, эти процессы привели и к возникновению новых глобальных угроз.

Сегодня наиболее развитые в технологическом плане страны, где уровень компьютеризации различных сфер жизнедеятельности общества достаточно высок, часто попадают в ловушку своей технологической сложности. Широкое использование ими информационных технологий и глобальных сетей, усложнение своей информационной инфраструктуры, приводит к снижению их защищенности от кибератак, одновременно увеличивая уровень причиняемого ущерба. Например, в США убытки от несанкционированного проникновения в такие системы и последующей утечки информации оцениваются в десятки миллионов долларов¹.

Кроме того, сейчас все чаще говорится о том, что уязвимостью информационной инфраструктуры для достижения своих целей могут воспользоваться не только враждебные государства, но и различные преступные формирования, террористические группировки, а также отдельные личности с асоциальными установками. Многие террористические организации активно используют Интернет для связи, общения, пропаганды, вербовки новых сторонников.

Сегодня небольшая вредоносная программа может причинить вред, сравнимый со взрывом бомбы, а при определенных обстоятельствах и превосходящий его². При этом риск быть установленным, а также затраты на подобное компьютерное нападение намного ниже, чем для традиционных видов террористической деятельности.

Являясь новым феноменом, глобальные компьютерные сети и киберпространство в определенной степени формируют структуру современной преступности. При этом следует отметить надгосударственный характер современных глобальных сетей, возможность анонимной деятельности в них, а также их влияние на состояние национальной без-

¹ Маслакова Е.А. Кибертерроризм как новая форма терроризма // Наука и практика. 2015. № 2 (63). С. 79.

² Маслакова Е.А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2008. С. 4.

опасности. Поэтому не может не вызывать беспокойство появление новых видов угроз, связанных с посягательствами на информационное пространство. Не так давно министр обороны С. Шойгу отметил, что сейчас «особенно стоит вопрос о кибербезопасности. Угроза, вызываемая кибероружием, все больше отвечает понятию «оружие массового поражения»³. Действительно, нельзя не согласиться с тем, что подобные действия нарушают стабильность в обществе, влекут значительные человеческие жертвы и крупный материальный ущерб⁴.

Представляется, что наиболее важным сегодня является исследование проблемы противодействия киберпреступности, кибертерроризму, кибер- и информационным войнам.

Данные термины пришли к нам из западной литературы и были восприняты в России на уровне научного сообщества. В официальных же нормативных актах используется более широкое понятие — «информационная безопасность», под которой в Доктрине информационной безопасности понимается «защищенность национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства»⁵. В качестве киберугроз в этом документе называются, например, разработка и распространение программ, нарушающих нормальное функционирование информационных и информационно-телекоммуникационных систем, воздействие на системы защиты, утечка информации по техническим каналам и др.

Киберугрозы могут проявляться в различных вариантах, но наиболее опасными из них, на наш взгляд, являются кибер- и информационные войны, кибертерроризм и киберпреступность.

Р.А. Кларк, специалист Правительства США по борьбе с терроризмом, определяет кибервойну как проникновение в компьютеры и компьютерные сети одного государства, совершенное другим государством, в целях причинения ущерба и разрушения⁶. Что касается понятия информационной войны, то американский исследователь данной проблемы Д. Деннинг отмечает, что это действия, направленные на информационные ресурсы. Он подчеркивает, что сегодня современные технологии позволяют без труда фальсифицировать существующую информацию, а также создавать новую фальшивую информацию⁷. Другой специалист в данной области, М. Либики, рассматривает информационную войну как атаку, совершаемую с по-

мощью информации на другую информацию⁸. Таким образом, кибер- и информационные войны — это действия одних государств против других.

Кибертерроризм характеризуется посягательствами на общественный порядок и стремлением к его дестабилизации. Он предполагает действия отдельных граждан или их групп, совершаемые против государства с использованием информационно-коммуникационных технологий⁹. Кибертеррористы совершают взлом сетевых ресурсов, применяют различные деструктивные компьютерные программы, которые уничтожают данные или блокируют информационные системы, причем арсенал используемых ими средств пополняется и модернизируется в соответствии с изменяющимися новыми технологиями¹⁰.

Киберпреступность означает совершение общественно опасных деяний с использованием киберпространства, направленных против интересов граждан или организаций¹¹.

Необходимо отметить, что особенности перечисленных киберугроз таковы, что эффективно противодействовать им с помощью ресурсов одного государства или в рамках отдельной страны невозможно. Полагаем, что противостоять этим угрозам можно только объединив усилия многих государств. Таким образом, важнейшей задачей для каждого государства сегодня, в том числе и для России, является внесение предложений по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий и объединение совместных усилий для развития международной правовой базы в данной области, что, в свою очередь, предоставляет широкие возможности для научной деятельности.

Понимание этой истины, на наш взгляд, объясняет, почему Россия приложила столько усилий на двустороннем уровне, на уровне ООН, а также на уровне таких региональных организаций, как ШОС, БРИКС, ОДКБ, пытаясь сформировать международный правовой механизм обеспечения информационной безопасности.

Двустороннее сотрудничество в сфере информационной безопасности началось в 1998 году, когда стали систематически проводиться различные межведомственные консультации по данной проблеме с такими государствами, как США, Китай, Бразилия, и другими, результаты которых были закреплены в ряде заявлений, в которых подчеркивалась необходимость международного сотрудничества для снижения уровня угроз в сфере информационной безопасности.

³ Цифровые войны XXI века: Экспертный доклад Елены Лариной и Владимира Овчинского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirprognozov.ru/prognosis/politics/tsifrovyye-voyny-xxi-veka/es> (дата обращения: 24.03.2016).

⁴ Маслакова Е.А. К вопросу об организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем // Военно-юридический журнал. 2014. № 3. С. 10.

⁵ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утверждена Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895 // Российская газета. 2000. 28 сент.

⁶ Clarke R.A. Cyber war. The next threat to national security and what to do about it. New York, 2010. P. 17.

⁷ Denning D.E. Information warfare and security. Reading etc., 1999. P. 21.

⁸ Libicki M. Conquest in cyberspace. National security and information warfare. Cambridge, 2007.

⁹ Маслакова Е.А. Лица, совершающие преступления в сфере информационных технологий: криминологическая характеристика // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1. С. 116.

¹⁰ Качалов В.В., Жилкин М.Г., Маслакова Е.А. Некоторые направления совершенствования правового обеспечения антитеррористической безопасности // Военно-юридический журнал. 2015. № 1. С. 16.

¹¹ Маслакова Е.А., Жилкин М.Г., Качалов В.В. К вопросу о международном сотрудничестве в сфере обеспечения информационной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 76.

В 1998 году Россия предложила США подписать межпрезидентское заявление, предусматривающее двустороннее определение самых важных аспектов в сфере противодействия информационным угрозам, предотвращения милитаризации информационного пространства и разрешения проблем противодействия кибертерроризму. Данный документ также предусматривал вынесение вопроса о всемирной информационной безопасности на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН и должен был стать базой для международного договора о совместной борьбе с кибертерроризмом и киберпреступностью. Результатом этой инициативы стало «Совместное заявление об общих вызовах безопасности на рубеже XXI в.», однако более плодотворное сотрудничество не имело своего продолжения.

Тем не менее, инициированная Россией тема обеспечения международной информационной безопасности получила значительную поддержку в ООН, результатом которой явилась резолюция «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», принятая Генеральной Ассамблеей ООН в декабре 1998 года.

Несмотря на непонимание подобных инициатив со стороны некоторых развитых государств и главного оппонента России — США, которые возражали против предложенного РФ запрета на применение Интернета в военных целях и для свержения режимов в других странах, при оставлении властям значительной свободы действий внутри национальных сегментов киберпространства, России удалось добиться некоторых результатов в ООН. Данные вопросы стали регулярно обсуждаться в комитетах Организации Объединенных Наций. Для разработки мер по противодействию наиболее серьезным угрозам международной информационной безопасности, а также для их изучения и оценки была создана группа правительственных экспертов. Однако в связи с различиями в подходах к данной проблеме со стороны других государств добиться более существенных результатов России не удалось.

Более успешной оказалась деятельность Российской Федерации по противодействию кибертерроризму, киберпреступности, информационным и кибервойнам в сотрудничестве со странами — членами таких региональных организаций, как ШОС, БРИКС, ОДКБ.

В отличие от ООН, государства — члены этих организаций имеют схожие проблемы, такие как: нехватка высококвалифицированных специалистов в сфере информационной безопасности, сильное технологическое отставание от развитых стран, особенно от США, высокая степень уязвимости к киберугрозам. Все эти обстоятельства обусловили тесное сотрудничество членов данных организаций в сфере информационной безопасности, которое выразилось в разработке и принятии совместных документов по рассматриваемой проблеме. Так, на саммите глав государств — членов ШОС в 2006 году было принято заявление по международной информационной безопасности. В нем говорилось о необходимости обеспечения информационной безопасности не только национальными усилиями, но и совместными действиями. Затем в рамках ОДКБ в 2008 году была разработана и утверждена Программа совместных действий по формированию системы информа-

ционной безопасности. На саммите ШОС в 2009 году было подписано Соглашение по взаимодействию в области обеспечения информационной безопасности. Кроме того, ОДКБ в 2010 году было принято Положение о сотрудничестве государств — членов Организации договора о коллективной безопасности в сфере обеспечения информационной безопасности, в котором предусматривалась система мер по противодействию преступности в сфере информационных технологий, в том числе и путем подготовки компетентных специалистов в данной сфере и обеспечения взаимодействия специальных подразделений органов безопасности и внутренних дел.

Таким образом, на уровне региональных организаций России удалось добиться существенных результатов для обеспечения международной информационной безопасности. Однако пока осталась недостигнутой более масштабная цель России, а именно формирование глобального механизма обеспечения безопасности киберпространства. Поэтому Россия продолжает добиваться рассмотрения Генеральной Ассамблеей ООН вопроса о принятии нормативно-правовых актов в сфере международной информационной безопасности. Но, как уже было отмечено ранее, основными препятствиями на пути подобных российских инициатив являются разные взгляды на вопросы международной информационной безопасности развитых государств, а также их несовпадающие интересы в данной сфере.

Проблема информационной безопасности в последние годы начала активно разрешаться и на уровне национально-го российского законодательства. Так, в 2013 году была переработана и изменена глава 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации», в 2014 году внесены поправки в законы «О персональных данных» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В то же время необходимо констатировать пока еще существующую фрагментарность российского законодательства в сфере борьбы с киберпреступностью, а также отсутствие у российского законодателя способности к стратегическому прогнозу. Представляется, что зачастую российские законодательские инициативы являются запоздалым исправлением уже принятых решений. Такое положение может привести к растущему отставанию России от ведущих стран мира в экономическом и социальном развитии. На наш взгляд, российское уголовное законодательство в рассматриваемой сфере нуждается в значительной переработке и дополнениях, в системном подходе к проблеме преступности в сфере информационных технологий, а также в приведении в соответствие с международными стандартами.

Таким образом, сдерживать распространение угроз в сфере информационной безопасности, сократить их уровень возможно лишь путем осуществления масштабной научно обоснованной программы предупреждения, к разработке и реализации которой должны быть привлечены самые различные органы, организации и специалисты всех развитых стран. Наиболее эффективной, на наш взгляд, будет работа в следующих направлениях:

- дальнейшее развитие международного сотрудничества в сфере информационной безопасности;
- разработка глобальных международных нормативно-правовых актов, регулирующих различные аспекты использования информационного пространства;

— имплементация международно-правовых норм в сфере информационной безопасности в национальное законодательство нашей страны;

— объединение усилий международного научного сообщества в целях создания безопасных информационных технологий;

— разработка эффективных методов и механизмов по противодействию и устранению информационных угроз.

Литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утверждена Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № Пр-1895 // Российская газета. 2000. 28 сент.
2. Качалов В.В., Жилкин М.Г., Маслакова Е.А. Некоторые направления совершенствования правового обеспечения антитеррористической безопасности // Военно-юридический журнал. 2015. № 1. С. 13–17.
3. Маслакова Е.А., Жилкин М.Г., Качалов В.В. К вопросу о международном сотрудничестве в сфере обеспечения информационной безопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 75–77.
4. Маслакова Е.А. К вопросу об организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем // Военно-юридический журнал. 2014. № 3. С. 10–13.
5. Маслакова Е.А. Кибертерроризм как новая форма терроризма // Наука и практика. 2015. № 2 (63). С. 79–81.
6. Маслакова Е.А. Лица, совершающие преступления в сфере информационных технологий: криминологическая характеристика // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1. С. 114–121.
7. Маслакова Е.А. Незаконный оборот вредоносных компьютерных программ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2008.
8. Цифровые войны XXI века: Экспертный доклад Елены Лариной и Владимира Овчинского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirprognozov.ru/prognosis/politics/tsifrovyye-voynyi-xxi-veka/es> (дата обращения: 24.03.2016).
9. Clarke R.A. Cyber war. The next threat to national security and what to do about it. New York, 2010.
10. Denning D.E. Information warfare and security. Reading etc., 1999. P. 21.
11. Libicki M. Conquest in cyberspace. National security and information warfare. Cambridge, 2007.

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ: ПОТРЕБНОСТИ ПРАКТИКИ И ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Волеводз Александр Григорьевич,
заместитель декана по науке международно-правового факультета,
профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России),
доктор юридических наук
a.volevodz@inno.mgimo.ru

В статье рассматривается проблема имплементации норм об ответственности за военные преступления, как нарушения международного права, применяемого во время вооруженных конфликтов, в российское уголовное законодательство. Автор на примерах из практики обосновывает безотлагательную необходимость такой имплементации, предлагает возможный вариант внесения изменений в российское уголовное законодательство.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, военные преступления, уголовное законодательство, имплементация.

Implementation of Regulations on Responsibility for Military Crimes in Criminal Legislation of Russia: Practice Needs and Ways of Realization

Volevodz Alexander G.,
Deputy Dean for Science of the International Law Faculty
Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure
and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MSIIR of MFA of Russia), Doctor of Law

The article considers the issue of implementing the norms on responsibility for war crimes, as violations of international law applied during armed conflicts, in Russian criminal law. The author, basing on the examples of practice, substantiates the urgent need for such implementation, and proposes a possible way to amend Russian criminal law.

Key words: international humanitarian law, war crimes, criminal law, implementation.

События последнего времени с особой остротой ставят на повестку дня вопрос об установлении в отечественном законодательстве уголовной ответственности за нарушения международного гуманитарного права как совокупности международно-правовых норм и принципов, регулирующих защиту жертв войны, а также ограничивающих методы и средства ведения войны.

Это обусловлено тем, что до настоящего времени в российское уголовное законодательство не имплементированы нормы, в надлежащем применении которых ныне остро нуждается правоприменительная и судебная практика¹, — Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях, Женевской конвенции об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил, на море, Женевской конвенции об обращении с военнопленными, Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (все от 12 августа 1949 г.); Дополнительных протоколов I и II от 8 июня 1977 г. к указанным Женевским конвенциям — базовых документов современного международного гуманитарного права. В том или ином объеме меры по реализации предписаний этих международно-правовых актов постепенно занимают подрастающее им место в обучении военнослужащих², подготовке³ и практической деятельности Вооруженных сил и других воинских формирований Российской Федерации⁴.

Между тем в структуре действующего Уголовного кодекса РФ 1996 г. (далее — УК РФ) обязательства, вытекающие из международного гуманитарного права, кодифицированы в рамках положений Общей части УК РФ о сроках давности (ч. 5 ст. 78, ч. 4 ст. 83) и универсальной

юрисдикции (ч. 3 ст. 12) и единственного состава преступления в Особенной части УК РФ, ст. 356 УК РФ. В силу этого нормы УК РФ в этой части пока не являются действенной реализацией международных обязательств России. Обусловлено это тем, что нормы единичны и не носят системного характера.

На практике это приводит к тому, что отечественными правоприменителями и судами факты совершения военных преступлений, как одной из категорий международных преступлений, квалифицируются как общеуголовные.

Ярким примером этого является получивший широкую известность приговор Донецкого городского суда Ростовской области от 22 марта 2015 г., осудившего к 22 годам лишения свободы и штрафу в 30 тысяч рублей гражданку Украины Савченко. Она признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных п. «а», «е», «ж», «л» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, п. «а», «е», «ж», «л» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 322 УК РФ (убийство двух и более лиц, покушение на убийство двух и более лиц общеопасным способом, по мотивам ненависти к социальной группе, совершенное группой лиц по предварительному сговору, незаконное пересечение границы Российской Федерации). Сколь ни были бы тяжкими эти преступления, вряд ли можно признать юридически безупречной и справедливой оценку содеянного осужденной: исходя из норм международного права, признаваемых как Украиной, так и Россией, в содеянном Савченко содержатся признаки не общеуголовного, а международного преступления, а именно военного преступления — серьезного нарушения статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 года, в условиях вооруженного конфликта немеждународного характера, выразившегося в посягательстве на жизнь и личность, в частности, убийстве в любой форме лиц, не принимающих активного участия в военных действиях. Основным непосредственным объектом содеянного Савченко являются охраняемые общепризнанными принципами международного права и международным гуманитарным правом интересы соблюдения правил поведения участников вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера.

Несовершенство внутригосударственного правового регулирования на практике влечет за собой отсутствие должного реагирования отечественных правоохранительных органов на факты совершения военных преступлений, жертвами которых становятся граждане РФ.

Так, 24 ноября 2015 года в ходе боевых действий против ДАИШ над территорией Сирии был сбит российский бомбардировщик СУ-24 и совершено нападение на спускавшихся на парашютах членов его экипажа, в результате чего один из летчиков был убит.

Согласно статье 3, общей для четырех Женевских конвенций, посвященной внутренним вооруженным конфлик-

¹ Волеводз А.Г. Уголовное дело о военных преступлениях в Украине: на каком основании оно возбуждено в России? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3 (34). С. 52–57; Русина В.Н. Обязанность государства расследовать случаи гибели людей во время вооруженных конфликтов // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 4. С. 23–26.

² Пепеляев А.В., Порфирьев В.А., Смирнов Н.П. Подготовка курсантов военного вуза к соблюдению норм международного гуманитарного права // Психология образования в поликультурном пространстве. 2015. № 32 (4). С. 124–129.

³ Пепеляев А.В., Порфирьев В.А., Смирнов Н.П. Формирование у военнослужащих морально-психологической готовности к соблюдению норм международного гуманитарного права в процессе боевой подготовки // Научное мнение. 2015. № 12-2. С. 105–110.

⁴ Кочешев С.П. Актуальные проблемы правового обеспечения действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности // Военно-юридический журнал. 2015. № 10. С. 3–8.

там, «в случае вооруженного конфликта, не носящего международного характера и возникающего на территории одной из... сторон, каждая из находящихся в конфликте сторон будет обязана применять как минимум следующие положения: 1. Лица, которые непосредственно не принимают участие в военных действиях, включая тех лиц из состава вооруженных сил... которые перестали принимать участие в военных действиях вследствие болезни, ранения... или по любой другой причине [т.е. сложившейся ситуации, аналогичной с покиданием на парашютах российскими летчиками сбитого СУ-24], должны при всех обстоятельствах пользоваться гуманным обращением... С этой целью запрещаются и всегда будут запрещаться следующие действия в отношении вышеуказанных лиц: а) посяательства на жизнь... убийства...». Кроме того, «конкретные положения о запрете использования оружия в отношении парашютистов, покинувших вышедший из строя самолет, содержатся в Дополнительном протоколе к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающемся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I от 8 июня 1977 г.). Согласно его ст. 42 («Лица на борту летательных аппаратов») ни одно лицо, покидающее на парашюте летательный аппарат, терпящий бедствие (сбитый авиацией противника, его системами ПВО, из стрелкового оружия, вышедший из строя по техническим и иным причинам), не подвергается нападению в течение своего спуска на землю. В дальнейшем такому лицу по приземлении на территории, контролируемой противной стороной, предоставляется возможность сдаться в плен до того, как оно станет объектом нападения, если не будет очевидным, что оно совершает враждебное действие. Заметим, что данная статья содержится в Разделе I «Методы и средства ведения войны» Протокола I, в котором в качестве основной нормы прописано положение, что в случае любого вооруженного конфликта право сторон, находящихся в конфликте, выбирать методы или средства ведения войны не является неограниченным... Согласно ст. 49 Женевской конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях (Женева, 12 августа 1949 г.), ее участники берут на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения настоящей Конвенции, например, такие как преднамеренное убийство. Пунктом 3 (д) ст. 85 Протокола I, которая была принята в результате всеобщего согласия, также подтверждено, что умышленное в нарушение соответствующих положений настоящего протокола и являющееся причиной смерти или серьезного телесного повреждения или ущерба здоровью нападение на лицо, когда известно, что оно прекратило принимать участие в военных действиях, в том числе и в рассмотренной нами ситуации, является серьезным нарушением этого документа»⁵.

В силу этого действия в отношении российских летчиков и убийство одного из них следует квалифицировать

как серьезное нарушение Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., что представляет собой военное преступление. Однако до настоящего времени уголовное дело по данному факту не возбуждено, что было бы вполне логично и допустимо исходя из юрисдикционных положений международного права. И, как представляется, в основе этого лежит как отсутствие в УК РФ норм об уголовной ответственности за военные преступления, так и несовершенство норм его ст. 12 УК РФ. Соответственно, до настоящего времени не предпринято надлежащих мер для расследования этого преступления, установления его обстоятельств и привлечения к ответственности виновных лиц⁶. Представляется, что эта ситуация противоречит обязанности расследовать случаи гибели людей во время вооруженных конфликтов, которая возлагается на государства нормами двух отраслей международного права: международным гуманитарным правом и международным правом прав человека⁷.

Фактически имеет место неполное выполнение Российской Федерацией своих международных обязательств по криминализации серьезных нарушений международного гуманитарного права. Это, в свою очередь, не только влечет негативные политико-правовые следствия для России на международной арене, но и осложняет деятельность российских правоохранительных органов по уголовному преследованию лиц, применяющих запрещенные средства или методы ведения военных действий в вооруженном конфликте, преступно нарушающих нормы международного гуманитарного права во время вооруженного конфликта.

Последнее обстоятельство угрожает распространением на Российскую Федерацию юрисдикции Международного уголовного суда на основании ст. 17 (п. 1 «а») Римского статута, поскольку Россия, очевидно, неспособна вести расследование или возбудить уголовное преследование по делам о военных преступлениях должным образом.

Научным сообществом в последние годы широко обсуждаются проблемы имплементации в отечественное законодательство обязательств уголовно-правового характера, содержащихся в нормах международного гуманитарного права. В ходе дискуссий высказываются предложения о необходимости разработки рекомендаций для

⁵ Ромашев Ю.С., Ярышев С.Н. Вооруженное нападение на парашютистов в воздухе и международное гуманитарное право // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 61–64.

⁶ В случае возбуждения уголовного дела можно было бы принять меры, которые позволят не только объективно расследовать обстоятельства гибели нашего летчика, но и в рамках обращения к Турции с запросом о правовой помощи по уголовному делу тем или иным образом разрешить более значимые проблемы, выходящие за рамки уголовно-правовой оценки на уровень межгосударственный. Основа для этого — содержащиеся в международном праве обязательства государств по сотрудничеству друг с другом в вопросах уголовного преследования, возбуждаемого в отношении лиц в случае совершения ими серьезных нарушений Женевских конвенций и Протоколов к ним. Участники Протокола I, согласно его ст. 88 («Взаимная помощь в вопросах уголовного преследования»), оказывают друг другу максимальное в этом содействие.

⁷ Русинова В.Н. Обязанность государства расследовать случаи гибели людей во время вооруженных конфликтов // Там же. С. 23.

законодателей по четкому воплощению уже ратифицированных международных договоров в российском уголовном законодательстве⁸. Предложено несколько моделей имплементации норм международного гуманитарного права в отечественное уголовное право⁹. Однако вопрос по-прежнему остается открытым, а исследования имеющих проблем продолжают¹⁰.

Представляется, что насущные потребности практики и новые вызовы требуют перехода от научных дискуссий к практической реализации имплементации норм международного гуманитарного права об ответственности за его нарушения в уголовное законодательство путем рекомендаций для рассмотрения законодателем конкретных законопроектов.

И такие рекомендации уже разработаны в виде законопроекта «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с выполнением Российской Федерацией международных обязательств, вытекающих из международного гуманитарного права» (далее — Проект), в инициативном порядке подготовленного отечественными учеными при участии Региональной делегации Международного комитета Красного Креста в Российской Федерации, Беларуси и Молдове. В полном объеме он стал доступен научной общественности и законодателям после его опубликования в сентябре 2015 года¹¹, однако до настоящего времени не реализован.

Возникшие и, как представляется, будущие потребности практики вновь и вновь требуют освещения ключевых уголовно-правовых аспектов этого Проекта, что позволит обратить на него внимание более широкого круга заинтересованных лиц. В этой связи в данной публикации остановимся на его некоторых, но исключительно важных положениях, относящихся к регламентации уголовной ответственности за военные преступления.

I. Проектом предлагается устранить ошибку, допущенную при определении понятия уголовного законодательства законодателем, провозгласившим в ч. 2 ст. 1 УК РФ, что оно «основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права», но не включившим в этот круг международные договоры РФ.

II. В Проекте предлагается законодательно уточнить один из наиболее сложных вопросов правоприменения — об универсальной юрисдикции¹².

III. В главу 34 УК РФ предполагается внести изменения и дополнения, обусловленные, с одной стороны, необходимостью выполнения Российской Федерацией своих международных обязательств, а с другой — потребностью установления уголовной ответственности за военные преступления. При этом вносимые изменения существенным образом не расширяют сферу уголовной наказуемости, а фактически раскрывают положения действующей редакции ст. 356 УК РФ, которые вследствие своей общности плохо применимы на практике, в т.ч. из-за отсутствия должной детализации. Существо этих изменений и дополнений видно из проектируемых статей, предлагаемых следующим образом:

«Статья 356. Применение запрещенных средств или методов ведения военных действий в вооруженном конфликте»

1. Применение оружия, боеприпасов или техники, а равно методов ведения военных действий такого характера, которые вызывают чрезмерные повреждения или ненужные страдания либо которые являются неизбежными, применение яда или отравленного оружия, удушающих, ядовитых или других газов либо любых аналогичных жидкостей, материалов или средств, пуль, которые легко разворачиваются или сплющиваются в теле человека, использование присутствия покровительствуемых лиц для защиты вооруженных сил, иных войск или воинских формирований, создание условий голода среди покровительствуемых лиц, разграбление населенного пункта, набор или вербовка в вооруженные силы, иные войска или воинские формирования несовершеннолетнего лица либо использование такого лица в военных действиях, применение иных средств или методов ведения военных действий,

⁸ Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Институт права и публичной политики, 2008; Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Институт права и публичной политики, 2009; и др.

⁹ Tuzmukhamedov B. The Implementation of International Humanitarian Law in the Russian Federation // Intern. Rev. Red Cross. 2003. Vol. 85. No. 850. P. 389–391; Vasiliev S., Ogorodova A. Implementation of the Rome Statute in Russia // Finnish Yearbook of International Law. 2005. Vol. 16. P. 213–216; Трикоз Е. Римский статут Международного уголовного суда в Российской Федерации: рамочная модель имплементации // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008. С. 147–148; Лобанов С.А. Современные тенденции кодификации института ответственности за военные преступления // Военно-юридический журнал. 2010. № 4.

¹⁰ Есаков Г.А. Российский опыт криминализации серьезных нарушений норм международного гуманитарного права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 3. С. 50–65.

¹¹ Волеводз А.Г. О проекте совершенствования УК и УПК в свете международного гуманитарного права // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 3 (11). С. 66–77.

¹² Вартанян Э.Г. Принцип универсальной юрисдикции в системе международного права // Современное право. 2015. № 6. С. 141–143; Есаков Г.А. Универсальная уголовная юрисдикция (в связи с преступлениями террористической направленности) // Право и политика. 2015. № 5. С. 668–672; Каюмова А.Р. О соотношении юрисдикционных принципов защиты и универсальности в расследовании уголовных дел на Украине // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). С. 40–42; Русинова В.Н. Преследование нарушений международного гуманитарного права на основании принципа универсальности // Международное публичное и частное право. 2005. № 6. С. 21–26; Сафаров Н.А. Универсальная юрисдикция (анализ концепции и классификация) // Российский ежегодник международного права. 2011. № 3–5. С. 22–39; Штурма П. Универсальная юрисдикция и наказание за серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 4. С. 83–92.

если деяния совершены в нарушение международного гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта —

наказываются лишением свободы на срок до десяти лет.

2. Совершенное в нарушение международного гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта нападение на покровительствуемых лиц, незащищенные и не являющиеся военными целями госпитали и места сосредоточения больных и раненых, населенные пункты, жилища или здания, необороняемые местности или демилитаризованные зоны, памятники истории, культуры, природные комплексы или объекты, взятые под охрану государства, предметы или документы, имеющие историческую или культурную ценность, здания, предназначенные для целей религии, образования, искусства, науки или благотворительности, опасные производственные объекты, персонал, объекты, материалы, подразделения или транспортные средства, задействованные в оказании гуманитарной помощи или в миссии по поддержанию мира либо законно использующие в качестве защитного или отличительного знака охраняемую эмблему, наименование или отличительный сигнал, —

наказываются лишением свободы на срок от шести до двенадцати лет.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, сопряженные с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью или наступлением иных тяжких последствий, —

наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.

4. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, сопряженные с умышленным причинением смерти другому человеку, —

наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо пожизненным лишением свободы.

Примечание.

1. Под международным гуманитарным правом в статьях настоящего Кодекса понимаются принципы и нормы международного права, применяемые в вооруженных конфликтах международного и немеждународного характера.

2. Вооруженным конфликтом международного характера в статьях настоящего Кодекса признается применение военной силы в отношениях между государствами. Вооруженным конфликтом немеждународного характера в статьях настоящего Кодекса признается длительное и (или) интенсивное вооруженное противостояние между вооруженными силами, иными войсками или воинскими формированиями и незаконными вооруженными формированиями либо между такими формированиями. Не могут признаваться вооруженным конфликтом нарушения общественного порядка, в том числе массовые беспорядки, единичные акты насилия или иные акты аналогичного характера.

3. Под покровительствуемым лицом в статьях настоящего Кодекса понимается лицо, которое непосредственно не принимает участия в военных действиях, лицо из состава вооруженных сил и иных воинских формирований, которое сложило оружие либо перестало принимать уча-

стие в военных действиях вследствие болезни, ранения, кораблекрушения, задержания или по другой причине, а равно лицо, являющееся посредником, лицо из числа медицинского, санитарно-транспортного или духовного персонала, персонала гуманитарных организаций и организаций гражданской обороны в той мере, в какой оно не принимает непосредственного участия в военных действиях и на него распространяется защита международного гуманитарного права».

«Статья 356.1. Преступное нарушение международного гуманитарного права во время вооруженного конфликта

1. Совершенные в нарушение международного гуманитарного права хищение чужого имущества во время вооруженного конфликта, а равно умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества во время вооруженного конфликта, повлекшие причинение значительного ущерба, —

наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

2. Умышленные причинение вреда здоровью, истязание, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, биологические или иные эксперименты, заведомо незаконное изъятие органов или тканей для трансплантации, апартеид или иная дискриминация в зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам либо иное бесчеловечное обращение, а равно заведомо незаконные лишение свободы, задержание, заключение под стражу или содержание под стражей, заведомо незаконные перемещение или депортирование, насильственное исчезновение, захват или удержание в качестве заложника, неоправданная задержка репатриации, принуждение к службе в вооруженных силах либо лишение права на справедливое и законное судопроизводство, если эти деяния совершены в нарушение международного гуманитарного права в отношении покровительствуемого лица во время вооруженного конфликта —

наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

3. Посягательство на жизнь покровительствуемого лица во время вооруженного конфликта —

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо пожизненным лишением свободы».

Кроме того, в законопроекте предлагается ряд других новых статей: 356.2 — Незаконное использование охраняемых эмблем, наименований и отличительных сигналов; 356.3 — Бездействие начальника; 357.1 — Преступления против человечности.

Представляется, что включение в УК РФ предлагаемых новаций позволит создать надлежащую внутри-

государственную материально-правовую базу выполнения Российской Федерацией вытекающих из международного гуманитарного права обязательств по расследованию военных преступлений и обеспечить привлечение к уголовной ответственности лиц, виновных в их совершении.

Литература

1. Вартамян Э.Г. Принцип универсальной юрисдикции в системе международного права // Современное право. 2015. № 6. С. 141–143.
2. Волеводз А.Г. О проекте совершенствования УК и УПК в свете международного гуманитарного права // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 3 (11). С. 66–77.
3. Волеводз А.Г. Уголовное дело о военных преступлениях в Украине: на каком основании оно возбуждено в России? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 3 (34). С. 52–57.
4. Есаков Г.А. Российский опыт криминализации серьезных нарушений норм международного гуманитарного права // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 3. С. 50–65.
5. Есаков Г.А. Универсальная уголовная юрисдикция (в связи с преступлениями террористической направленности) // Право и политика. 2015. № 5. С. 668–672.
6. Каюмова А.Р. О соотношении юрисдикционных принципов защиты и универсальности в расследовании уголовных дел на Украине // Евразийский юридический журнал. 2014. № 9 (76). С. 40–42.
7. Кочешев С.П. Актуальные проблемы правового обеспечения действий войск (сил) в вооруженных конфликтах и при выполнении задач по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности // Военно-юридический журнал. 2015. № 10. С. 3–8.
8. Лобанов С.А. Современные тенденции кодификации института ответственности за военные преступления // Военно-юридический журнал. 2010. № 4. С. 5–8.
9. Международное уголовное правосудие: современные проблемы / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Институт права и публичной политики, 2009.
10. Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Институт права и публичной политики, 2008.
11. Пепеляев А.В., Порфирьев В.А., Смирнов Н.П. Подготовка курсантов военного вуза к соблюдению норм международного гуманитарного права // Психология образования в поликультурном пространстве. 2015. № 32 (4). С. 124–129.
12. Пепеляев А.В., Порфирьев В.А., Смирнов Н.П. Формирование у военнослужащих морально-психологической готовности к соблюдению норм международного гуманитарного права в процессе боевой подготовки // Научное мнение. 2015. № 12–2. С. 105–110.
13. Ромашев Ю.С., Ярышев С.Н. Вооруженное нападение на парашютистов в воздухе и международное гуманитарное право // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 61–64.
14. Русинова В.Н. Обязанность государства расследовать случаи гибели людей во время вооруженных конфликтов // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. № 4. С. 23–26.
15. Русинова В.Н. Преследование нарушений международного гуманитарного права на основании принципа универсальности // Международное публичное и частное право. 2005. № 6. С. 21–26.
16. Сафаров Н.А. Универсальная юрисдикция (анализ концепции и классификация) // Российский ежегодник международного права. 2011. № 3–5. С. 22–39.
17. Трикоз Е. Римский статут Международного уголовного суда в Российской Федерации: рамочная модель имплементации // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2008. С. 147–148.
18. Штурма П. Универсальная юрисдикция и наказание за серьезные нарушения Женевских конвенций 1949 г. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 4. С. 83–92.
19. Tuzmukhamedov B. The Implementation of International Humanitarian Law in the Russian Federation // Intern. Rev. Red Cross. 2003. Vol. 85. № 850. P. 389–391.
20. Vasiliev S., Ogorodova A. Implementation of the Rome Statute in Russia // Finnish Yearbook of International Law. 2005. Vol. 16. P. 213–216.

ОПЫТ ПОДГОТОВКИ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ СПЕЦСЛУЖБ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ ДЛЯ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

*Туганов Юрий Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
академик Российской академии естественных наук (РАЕН),
заслуженный юрист Российской Федерации
yurij-tuganov@yandex.ru*

*Дедов Юрий Федорович,
юрист Центра исследования проблем российского права «Эквитас»
avtor@lawinfo.ru*

В статье авторами рассмотрен опыт обучения сотрудников спецслужб США и Великобритании для военной организации государства, с целью выявления основных особенностей и признаков в ходе данного процесса.

Ключевые слова: военная служба, вооруженные силы, США, Великобритания, обучение, подготовка кадров, оперативная работа, профессиональная переподготовка, спецслужба.

Experience of Training and Retraining of Intelligence Agencies Employees of the United States of America and Great Britain

*Tuganov Yuriy N.,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Law, Professor,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS)*

*Dedov Yuriy F.,
Lawyer of the Russian Law Problems Research Center "Ekvitas"*

In article authors considered the experience of teaching the employees of special services of the USA and the UK for military organization of the state, to identify the main features and characteristics during this process.

Key words: Military service, armed forces, USA, UK, training, training, operational work, vocational training, the secret service.

В связи с возрастающими международными вызовами (такими как террористические, экстремистские угрозы и др.), предполагающими решение разнонаправленных задач спецслужбами государства, требует проработки и такой вопрос, как подготовка и переподготовка сотрудников спецслужб. Данная проблема не может быть разрешена без учета опыта в данной сфере деятельности в зарубежных государствах, например, таких как США и Великобритания. Необходимость исследования правовых аспектов вызвана вероятным выстраиванием возможных направлений и как совместных действий против международных угроз, и как противодействия спецслужбам указанных государств в сферах защиты интересов национальной и военной безопасности Российской Федерации¹.

¹ Отдельные аспекты переподготовки различных категорий военнослужащих ранее уже рассматривались авторами в своих работах. См., напр.: Туганов Ю.Н., Дедов Ю.Ф. Профессиональная переподготовка государственных служащих: понятие и содержание правового регулирования в рамках военной службы // Вестник Екатеринбургского института.

Для спецслужб США учебный процесс характеризуется такими особенностями, как четко выраженная специализация, практическая ориентация, интенсивность и краткосрочность. При этом учитываются особенности американского менталитета: трата силы и время на учебу, человек там, как правило, относится к обучению серьезно и прагматично, стремясь использовать получаемые знания и навыки для достижения более высоких результатов в работе, ибо благодаря этому возможно продвижение по службе, увеличение заработка, укрепление авторитета, удовлетворение других потребностей. При подготовке кадров спецслужб большое значение придается усвоению и отработке навыков практической деятельности.

Один из «отцов-основателей» американской разведки Аллен Даллес отмечал, что самое важное в обучении сотрудников спецслужб — это «привитие им практических навы-

2015. № 3. С. 72-77; Туганов Ю.Н., Журавлев С.И., Демьянов В.А. Профессиональная подготовка специалистов в интересах кадрового обеспечения безопасности государства: монография. М.: Граница, 2015. 142 с.

ков оперативной деятельности. В частности, разведывательные школы США активно используют для этого практику юридических учебных заведений, обучающих на конкретных делах, а также армейскую методику, создавая обстановку, «приближенную к боевым действиям», когда обучаемый должен действовать точно так, как если бы он работал самостоятельно, находясь в иностранном государстве»².

Система подготовки кадров зарубежных спецслужб включает в себя не только обучение персонала в учебных заведениях и на разного рода курсах и семинарах, но и стажировку на рабочем месте непосредственно в подразделениях спецслужб. В некоторых спецслужбах такая стажировка может продолжаться даже после завершения учебного курса, а ее результаты влияют на принятие окончательного решения относительно устройства «новичка» на то или иное место работы.

В центральном разведывательном управлении (далее — ЦРУ) США, например, для всех вновь принимаемых на работу лиц устанавливается годовой испытательный срок, а для кандидатов на оперативную работу еще один, дополнительный, годовой пробный срок (1-year trial period)³.

Качественная подготовка кадров требует соответствующего финансового и материально-технического обеспечения. Финансирование программ подготовки кадров осуществляется за рубежом главным образом за счет ассигнований, выделяемых государством на нужды той или иной спецслужбы. В США, например, информационно-справочные и пропагандистские материалы о спецслужбах непременно оповещают о широких возможностях получить хорошую базовую подготовку, продолжить образование и повысить квалификацию по самым разным направлениям. Эти материалы позволяют судить и о высоком уровне материально-технической базы учебного процесса.

В американской практике работы с кадрами для характеристики понятий «обучение» и «подготовка» употребляются термины *education* (обучение, образование, просвещение) и *training* (употребляется чаще и в более широком смысле, включая в себя, как правило, содержание понятия «обучение»). В разведсообществе США подготовку и обучение кадров относят к одной из трех функциональных областей разведки, называемой «инфраструктура разведки».

В раздел «Обучение и подготовка» функциональной области «Инфраструктура» входят программы обучения и подготовки, учебные заведения, курсы переподготовки и повышения квалификации и все другие аспекты и компоненты системы обучения и подготовки кадров спецслужб.

Вопрос о подготовке кадров спецслужб США на современном этапе следует рассматривать в контексте федераль-

ной программы «Образование в интересах национальной безопасности». Эта программа была введена в действие еще в декабре 1991 г. законом под аналогичным названием. Хотя формально этот закон касается субсидирования государством изучения иностранных языков и страноведения только студентами и выпускниками гражданских вузов и не затрагивает вопросы подготовки кадров непосредственно в спецслужбах, в нем сформулировано общее направление усилий в области подготовки кадров американских спецслужб. «Недавние изменения в мире создают новые угрозы международной стабильности. Хотя напряженность, вызванная “холодной войной”, продолжает ослабевать, заметно возросли и усилились конкуренция в области экономики, региональные конфликты, террористическая деятельность, распространение оружия.

Национальная безопасность и экономическое процветание США в будущем будут существенным образом зависеть от способности их граждан использовать в общении и конкуренции с зарубежными странами знание языка и культуры этих стран.

Федеральные власти заинтересованы в том, чтобы сотрудники министерств и ведомств, имеющих отношение к обеспечению национальной безопасности, были в достаточной степени подготовлены к реагированию на вызовы, которые возникают в результате происходящих в мире изменений»⁴.

Среди целей программы «Образование в интересах национальной безопасности» называются, в частности, увеличение масштабов и улучшение качества преподавания и изучения иностранных языков, страноведения и других «критически важных» для национальных интересов США предметов в области международных отношений, а также расширение контингента специалистов, которых можно было бы использовать на работе в государственных учреждениях, связанных с обеспечением национальной безопасности.

Для реализации заложенных в законе «Об образовании в интересах национальной безопасности» идей и положений предусмотрен соответствующий механизм.

В разведывательном сообществе США придают серьезное значение координации действий в области подготовки кадров. В этих целях в рамках сообщества создан Консорциум руководителей учебных заведений.

Кроме консорциума, в рамках разведсообщества существует ряд других руководящих и координирующих органов, призванных содействовать решению вопросов подготовки кадров, особенно в области изучения иностранных языков. В ЦРУ накоплен значительный опыт работы по подготовке кадров для использования на различных направлениях и участках разведывательной деятельности. Вопросами подготовки кадров в этом ведомстве занимается Управление подготовки и обучения Административного директората.

Важное место в работе по подготовке кадров отводится созданию контингента потенциальных кандидатов для службы в разведке. Известны такие программы деятельности в этой области, как программа параллельного об-

² Даллес А. Искусство разведки. М.: Международные отношения, 1992. С. 80.

³ Серебряков Е., Королев С. Подготовка кадров иностранных спецслужб // Обозреватель — Observer. 2006. № 10. С. 102; Шавяев А., Лекарев С. Разведка и контрразведка. Подготовка кадрового состава // litresp.ru [Электронный ресурс]: электронная библиотека. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/III/shavaev-andrej/razvedka-i-kontrrazvedka/54> (дата обращения: 26.04.2016). См. также: Старкин С.В., Кривов С.В. О практике обучения и переподготовки сотрудников информационно-аналитических подразделений разведывательного сообщества США // Вестник Нижегородского университета. 2011. № 6 (1). С. 332–338.

⁴ Compilation of Intelligence Laws and Related Laws and Executive Orders of Interest to the National Intelligence Community. Washington, 1995. P. 245, 270–277.

учения для студентов вузов, программа для аспирантов, программа для студентов колледжей и выпускников средних школ. Цель всех этих программ состоит в том, чтобы ознакомить потенциальных кандидатов из числа студентов колледжей и университетов с некоторыми аспектами деятельности разведслужб США, заинтересовать их и побудить к поступлению на работу в ЦРУ. Названные выше программы представляют собой элементы системы предварительной профориентации, которая позволяет разведывательному ведомству провести изучение и проверку потенциальных кандидатов на работу из числа студентов и дать им первичную подготовку. Принимающие участие в занятиях по этим программам студенты не связаны формальным обязательством поступить на работу в ЦРУ⁵.

Для студентов вузов, принявших решение поступить после окончания гражданского учебного заведения на оперативную работу в ЦРУ, существует отдельная программа переподготовки, которая называется «Программа летней интернатуры и материальной поддержки студентов, желающих поступить на работу в ЦРУ». Реализация программы обучения осуществляется на протяжении почти двух лет.

Базовая профессиональная подготовка лиц (помимо названной выше категории студентов), после соответствующей проверки и тестирования включенных в число кандидатов на работу в ЦРУ, осуществляется в рамках программы профессиональной подготовки кадров. Эта общая программа состоит из ряда частных программ, каждая из которых предусматривает подготовку с учетом специализации будущих сотрудников ЦРУ.

Обучение и стажировка по программе профессиональной подготовки кадров проводятся в Специальном учебном центре ЦРУ под Вашингтоном и в соответствующих подразделениях центрального аппарата ведомства. Будущие оперативные работники изучают специальные дисциплины (разведка, контрразведка, активные мероприятия), страноведение, занимаются языковой и военно-физической подготовкой. Изучение теории сочетается с отработкой навыков конспирации и работы с агентурой.

Американские специалисты считают, что молодое пополнение ЦРУ получает хорошую базовую подготовку, однако уровень образования в рамках программ повышения квалификации оставляет желать лучшего.

Бывший главный юридический советник ЦРУ Дж. Смит в газете «Нью-Йорк Таймс» еще в 1996 г. отмечал, что «одно из слабых мест ЦРУ — это отсутствие хорошего образования у многих наиболее опытных его сотрудников. Новички проходят хорошую подготовку, но в ЦРУ нет сколько-нибудь серьезной программы подготовки сотрудников, которые находятся в середине своей карьеры. У ЦРУ нет ничего похожего на институт дипломатической службы государственного департамента или военную академию вооруженных сил. Сотрудники ЦРУ только выигрывают, если периодически будут вырываться из этого тайного мира, чтобы поразмышлять о проблемах национальной безопасности и обсудить различные идеи в академической обстановке»⁶.

Характерной особенностью системы подготовки кадров спецслужб является усиливающееся в последние годы внимание к обучению их сотрудников иностранным языкам.

Важное место в системе подготовки кадров спецслужб занимают программы и мероприятия, связанные с повышением квалификации уже работающего персонала. Сложившаяся в США практика работы с кадрами, в том числе с кадрами спецслужб, предполагает обязательное и неоднократное привлечение персонала к занятиям, направленным на повышение их профессионального мастерства. Сотрудникам спецслужб предоставляется возможность повышать квалификацию в рамках своей узкой специальности или приобретать новые знания и навыки в смежных областях. Для обозначения этого второго направления повышения квалификации в США ввели в употребление даже специальный термин — «перекрестная подготовка».

После терактов 11 сентября 2001 г. в рамках реформирования разведсообщества власти США приняли решение о необходимости совершенствования системы профессиональной подготовки кадров. Так, в ЦРУ на основе подразделений, занимавшихся учебой и повышением квалификации сотрудников, специально был создан Университет ЦРУ (*Central Intelligence Agency University — CIAU*). Ранее этот комплекс учебных заведений непосредственно входил в состав Управления кадров ЦРУ (*Office of Chief Human Resources Office*). В частности, одна из структурных единиц CIAU — Школа анализа разведывательной информации Шермана Кента (*Sherman Kent School for Intelligence Analysis — SKSIA*) курируется аналитическим Директоратом разведывательной информации (*Directorate of Intelligence*) ЦРУ. В университет вошли 11 школ, колледжей и академий. Общее руководство ими осуществляет директор CIAU. При необходимости получения знаний по дисциплинам, не входящим в программы учебных заведений университета, используются возможности для направления сотрудников ЦРУ для повышения квалификации на различные курсы ряда университетов Вашингтона (округ Колумбия) или в военные вузы, такие как *National War College* или *Naval War College*⁷.

Как королевская служба английская разведка начала складываться еще в период становления Британской империи. Ее создание было обусловлено прежде всего потребностями государственной колониальной внешней политики важнейшей торговой и морской державы Европы. В марте 1909 г. премьер-министр Великобритании рекомендовал Комитету обороны империи обратить особое внимание на угрозу, исходящую от разведки Германии, и, соответственно, реорганизовать национальную спецслужбу. На основании рекомендаций премьера были подготовлены инструкции по созданию Бюро секретных служб при Иностранном департаменте Комитета обороны империи, датой основания которого стало 1 октября 1909 г.

Закон «О разведывательных службах» был принят парламентом Великобритании в 1994 г. В нем впервые дано определение разведывательной деятельности как «добывание и распространение информации о деятельности и намерениях иностранцев за пределами Великобритании, а

⁵ Серебряков Е., Королев С. Подготовка кадров иностранных спецслужб // Там же. С. 104.

⁶ ИТАР-ТАСС. Пульс планеты. 02.12.1996. С. «АМ»-2.

⁷ Серебряков Е., Королев С. Подготовка кадров иностранных спецслужб // Там же. С. 108.

также проведение специальных операций в интересах национальной безопасности».

Этот документ подтвердил и без того существовавшее де-факто право спецслужб осуществлять свои операции, если они направлены на защиту национальной безопасности и экономического благополучия Великобритании, а также предупреждение и раскрытие серьезных уголовных преступлений. Кроме того, закон освободил от ответственности сотрудников спецслужб за действия, совершаемые ими за пределами страны в целях выполнения своих функций, даже в тех случаях, когда в самой Англии они бы расценивались как преступные.

В Законе «О разведывательных службах» не содержалось четких указаний относительно полномочий и круга вопросов, которые призван решать комитет. Отмечалось лишь, что он обязан представлять премьер-министру, но не парламенту, ежегодный отчет, а также другие доклады по своему усмотрению.

IONEC — курс начальной подготовки сотрудников разведки, рассчитанный на полгода. Ход курса начальной подготовки всегда контролирует вышестоящее начальство, и от успеха или неуспеха того или иного курса зависит дальнейшая карьера инструкторов⁸.

Целью IONEC является подготовка новичков до профессионального уровня, необходимого для работы в МИ-6 на невысоких административных должностях. Половина занятий проходит в классах. Там кандидаты изучают ведение дел в ведомстве, теоретические основы установления контакта, вербовки, получения необходимой информации, слушают рассказы о проведенных операциях, общаются с представителями других отделов ведомства.

Другая половина занятий — это серии кратких учений. К курсантам приезжают опытные разведчики в образах бразильских генералов, русских ученых, иранских революционеров или тех, кто требуется по легенде учений. Курсанты в свою очередь выступают в роли выполняющих задание разведчиков, овладевают искусством знакомиться с объектами, сближаться, вербовать их и получать сведения. Учатся писать отчеты о контактах и составляют донесения о добытой информации. Затем исполнители ролей иностранцев устраивают опрос, а преподаватели оценивают успехи.

Таким образом, вопросам обучения и профессиональной переподготовки кадров ведущие зарубежные государства и их спецслужбы придают особое значение и уделяют самое серьезное внимание, обоснованно считая, что наличие хорошо подготовленных кадров является обязательным условием успешной работы спецслужб.

Осознание властными структурами важности качественной подготовки кадров и всемерное материальное и морально-психологическое содействие этому направлению деятельности можно считать отличительной и характерной особенностью современной теории и практики работы с кадрами спецслужб в странах Запада.

Исходя из проведенного анализа опыта США и Великобритании можно особо выделить следующие два момента: во-первых, это те значительные усилия, которые при-

лагаются спецслужбами и государством в целом по созданию контингента потенциальных кандидатов на работу в спецслужбах. Бесспорно, на эти цели затрачиваются довольно значительные силы, средства и время. Но зато создается резерв соответствующим образом ориентированных и даже прошедших первичную подготовку кандидатов, из которых можно черпать пополнение, необходимое для поддержания на должном уровне штатной численности спецслужб. При этом в результате изучения и проверки кандидатов существенно снижается вероятность попадания в их ряды случайных людей. Второй момент — это нацеленность системы переподготовки на максимально широкое и прочное привитие обучающимся тех профессиональных знаний, умений и навыков, которые необходимы им в практической работе.

Исследуя основные черты и особенности системы профессиональной переподготовки кадров спецслужб зарубежных стран, авторы выявили следующие их признаки:

1. Военно-политическое руководство ведущих зарубежных стран одним из важнейших условий сохранения стабильности существующего строя и обеспечения национальных интересов своих стран считает наличие в государстве хорошо оснащенных и боеспособных специальных служб, которые рассматриваются как «первая линия обороны». В свою очередь результативность деятельности спецслужб там вполне обоснованно ставится в зависимость от деловых и моральных качеств работающих в них людей. Отсюда главный принцип кадровой политики — комплектование их надежными, преданными и умелыми работниками.

2. Система подготовки кадров спецслужб включает в себя два взаимосвязанных направления деятельности: обучение персонала и воспитательную работу с ним. В структуре каждой спецслужбы есть кадровые подразделения, действующие по этим направлениям и занимающиеся подбором, изучением, обучением и кадровым обслуживанием личного состава.

Литература

1. Даллес А. Искусство разведки. М.: Международные отношения, 1992. С. 80.
2. Серебряков Е., Королев С. Подготовка кадров иностранных спецслужб // Обозреватель — Observer. 2006. № 10. С. 102, 104, 108.
3. Старкин С.В., Кривов С.В. О практике обучения и переподготовки сотрудников информационно-аналитических подразделений разведывательного сообщества США // Вестник Нижегородского университета. 2011. № 6 (1). С. 332–338.
4. Томлинсон Р. Большой провал. Раскрытые секреты британской разведки МИ-6 / пер. с англ. М.: Изд-во «Фрегатъ», 2001. С. 34.
5. Туганов Ю.Н., Дедов Ю.Ф. Профессиональная переподготовка государственных служащих: понятие и содержание правового регулирования в рамках военной службы // Вестник Екатеринбургского института. 2015. № 3. С. 72–77.
6. Туганов Ю.Н., Журавлев С.И., Демьянов В.А. Профессиональная подготовка специалистов в интересах кадрового обеспечения безопасности государства: монография. М.: Граница, 2015. 142 с.
7. Шваев А., Лекарев С. Разведка и контрразведка. Подготовка кадрового состава // litresp.ru [Электронный ресурс]: электронная библиотека. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/Ш/shvaev-andrej/razvedka-i-kontrrazvedka/54> (дата обращения: 26.04.2016).
8. Compilation of Intelligence Laws and Related Laws and Executive Orders of Interest to the National Intelligence Community. Washington, 1995. P. 245, 270–277.

⁸ Томлинсон Ричард. Большой провал. Раскрытые секреты британской разведки МИ-6 / пер. с англ. М.: Изд-во «Фрегатъ», 2001. С. 34.